

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 33

**«Россия
на энергетических
рынках
Восточной Азии»**

ББК 65.305.14-18
Н62

ISBN5-8341-0087-2

© ММББ, 2008 г.
© Никитский клуб, 2008 г.

К читателю

Никитский клуб, посвятив специальное заседание энергетической проблеме, присоединился к всеобщей энергетической озабоченности, у которой много аспектов, граней и измерений.

Эксперты выстраивают иерархию угроз глобальной энергетической безопасности в следующем порядке: «Наметившееся отставание предложения энергии от роста энергопотребления; увеличивающаяся напряженность в обеспечении энергетических нужд транспорта; нарастание региональных энергетических диспропорций; все более тяжелые перерывы в энергоснабжении вследствие техногенных катастроф и системных аварий; необратимые изменения климата регионов и планеты в целом»¹.

Специалисты подчеркивают, что «обеспечение глобальной энергетической безопасности невозможно без диалога и взаимной открытости на уровне государств, делового мира и населения». При этом населению высокоразвитых стран придется (хотя и с большим трудом) признать необходимость ограничить сложившийся «энергорасточительный образ жизни». Академик В. Е. Фортов и его коллеги обращают внимание на то, что «когда к уровню жизни нынешнего „золотого миллиарда“ в течение одного-двух десятилетий приблизятся еще 3 млрд. жителей Бразилии, России, Индии и Китая, существующий ныне стиль потребления сделает нагрузку на мировую энергетику непосильной при любых реальных темпах научно-технического прогресса»².

Ответы на поставленные академическим сообществом вопросы можно найти в коллективной монографии «Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии», подготовленной коллективом специалистов под общей редакцией и руководством члена-корреспондента РАН А. В. Торкунова. Этот фундаментальный труд и был представлен на обсуждение Никитского клуба.

Государства Восточной, Центральной и Южной Азии не только между собой обсуждают проблемы взаимодействия в области энергетики, они выносят эти проблемы на встречи лидеров Шанхайской Организации Сотрудничества³ (ШОС). Напомню, что на встрече глав правительств государств ШОС в Ташкенте 2 ноября 2007 г. российский

¹ Фортов В. Е., Макаров А. А., Митрова Т. А. Глобальная энергетическая безопасность: проблемы и пути решения // Вестник Российской Академии наук. Т. 77. № 2, февраль 2007. С. 100.

² Там же. С. 107.

³ Написание заглавными буквами — авторское. — *Ред.*

премьер Виктор Зубков призвал страны ШОС активнее сотрудничать в этой области. При этом он предложил создать энергетический клуб, который мог бы держать руку на пульсе этого сотрудничества. «Работа по созданию этого неправительственного совещательного органа уже идет, но от профильных ведомств наших стран хотелось бы более энергичных действий», — подчеркнул российский премьер, добавив, что энергетическая стратегия России сейчас уточняется, — «мы выстраиваем ее на период до 2030 года, не меняя при этом базовых принципов».

По предложению глав России и Китая создан специальный орган — Российско-Китайская Палата по содействию торговле машинно-технической и инновационной продукцией. Во время Второго Российско-Китайского Форума на высшем уровне в Москве в ноябре 2007 г. прошел Учредительный съезд этой Палаты и были подписаны соглашения более чем на три миллиарда долларов. Характерно, что главное место среди этих соглашений заняла энергетика. «Атомстройэкспорт» и Цзянсуская ядерная энергетическая корпорация подписали документы о сооружении второй очереди Тяньваньской АЭС. Заключено рамочное соглашение об оказании «Техснабэкспортом» технического содействия в сооружении четвертой очереди газоцентрифужного завода в КНР и подписан протокол к соглашению между правительствами России и Китая о сотрудничестве в сооружении на территории Китая газоцентрифужного завода по обогащению урана для атомной энергетики.

Выступая на Форуме, премьер КНР Вэнь Цзябао заявил: «Надеемся, российские предприятия со своими преимуществами в сфере энергетики, машиностроения, авиации и космонавтики смогут получить большие доли на китайском рынке»⁴.

Возвращаясь к книге «Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии», следует отметить, что проблема «ШОС и глобальная энергетическая безопасность» детально и глубоко проанализирована в специальной главе «Перспективы расширенной Шанхайской организации сотрудничества», подготовленной Д. Б. Малышевой⁵.

Можно согласиться с выводом Д. Б. Малышевой о том, что «будущее ШОС будет определяться самыми различными динамиками: россий-

⁴ Вестник Российской Академии наук. Т. 77. № 2, февраль 2007. С. 107..

⁵ См.: Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии/ Под общ. ред. и руков. ч.-к. РАН А. В. Торкунова. М., 2007.

ско-китайскими, китайско-американскими и российско-американскими отношениями; перспективами расширения или же свертывания присутствия США и НАТО в Центральной Азии; вызовами со стороны исламских движений; интенсивностью «оранжево»-революционных процессов в регионе»⁶.

К этому перечню, на мой взгляд, следует добавить и динамику развития отношений в треугольнике Россия — Китай — Индия. Такой подход уже продемонстрировал японский исследователь Ивасита Акихиро в вышедшем под его редакцией двухтомнике о политической ситуации в Евразии⁷. Третий раздел первого тома, озаглавленный «Россия и ее южный фронт», состоит из статей Ивасита Акихиро «Новый вариант Примакова? Россия и стратегические треугольники в Азии»; Нирмала Джоши «Индийско-российские отношения и стратегическая обстановка в Евразии»; Фазал-ур-Рахмана «Развивающиеся отношения Пакистана с Китаем, Россией и Центральной Азией»; Есида Осаму «Евразия и Южная Азия в их глобальном контексте»⁸. Кстати, в этом же томе помещена большая и довольно любопытная статья известного китайского исследователя Сунь Чжуанчжи «Отношения между Китаем и Центральной Азией», где значительное внимание уделено энергетической политике Китая в ШОС⁹.

В дискуссии экспертов, приведенной в «Энергетических измерениях международных отношений...», интересную мысль высказал член нашего Клуба профессор А.Д. Воскресенский, заявивший: «У меня складывается впечатление, что новые региональные организации типа ШОС — это попытка скоординировать интересы на региональном уровне без учета интересов тех «игроков», которые находятся как бы в «отдельном классе», т. е. без США и Японии, по принципу: мы постараемся договориться сами между собой, а потом внесем это в регион, и ничего против нашего консенсусного решения нельзя будет сделать»¹⁰.

Итак, динамика современных международных отношений в значительной степени определяется темпами решения энергетических, экологических и иных новых вызовов, вставших перед человечест-

⁶ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. С. 430.

⁷ *Eager Eyes Fixed on Eurasia. Vol. 1. Russia and Its Neighbors in Crisis. Vol. 2. Russia and Its Eastern Edge/*. Ed. by Iwashita Akihiro. Sapporo, 2007.

⁸ *Ibid.*, т. 1, с. 165–244.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ Энергетические измерения международных отношений... С. 945.

вом в XXI веке. Мне понравилась мудрая мысль, высказанная недавно крупнейшим специалистом в области мировой культуры и философии истории, академиком Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, который в телевизионном интервью говорил о том, что человечеству, чтобы выжить, необходимо уже сегодня (завтра может быть поздно), создать единый управляющий орган, спасти планету Земля. Но процесс глобализации всех сторон человеческого бытия, который мы наблюдаем и в котором мы поневоле участвуем сегодня, развивается совсем по другому, не научному сценарию.

**Владимир Мясников,
советник РАН,
член Совета Никитского Клуба**

Круглый стол
«Россия на энергетических рынках Восточной Азии»

21 сентября 2007 года

Участники обсуждения:

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, заведующий отделом Ближнего Востока Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России

Воскресенский Алексей Дмитриевич, декан факультета политологии, профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России

Галенович Юрий Михайлович, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Гутник Владимир Петрович, директор НИИ внешнеэкономических связей, заведующий кафедрой мировой экономики ГУ — ВШЭ

Дискин Иосиф Евгеньевич, сопредседатель Совета по национальной стратегии

Звягельская Ирина Доновна, заместитель директора Центра с стратегических исследований, профессор МГИМО (У) МИД России

Капица Сергей Петрович, президент Никитского клуба

Корсун Владимир Андреевич, доцент кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России

Михин Николай Иванович, начальник координационно-аналитического отдела Финансово-экономического департамента ОАО «Газпром»

Некрасов Александр Семенович, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования

Никитаев Владимир Владимирович, заместитель директора Департамента экономического анализа и перспективного планирования Минпромэнерго

Пастухов Владимир Борисович, научный руководитель Института публичной политики и права

Пилипец Олег Владимирович, советник президента ОАО «Транснефть» по вопросам связей и развития

Салицкий Александр Игоревич, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН

Круглый стол вел проф. **С. П. Капица**.

С. П. Капица

Коллеги, мы начинаем свое первое в осеннем семестре собрание. Наше заседание посвящено энергетической проблеме: «Россия на энергетических рынках Восточной Азии». Нам сегодня представлена внушительная по объёму и содержанию книга, которая называется «Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии», выпущенная под общей редакцией и руководством Анатолия Васильевича Торкунова, ректора МГИМО.

Прежде чем дать слово для вступительного доклада А.Д. Воскресенскому, заведующему кафедрой востоковедения, теперь уже декану факультета политологии МГИМО и научному редактору-составителю, а также другим представителям авторского коллектива этой книги, я хочу в двух словах выразить свою точку зрения по поводу подходов к проблеме энергетики. По-видимому, озабоченность энергетической проблемой охватила сейчас весь мир. Мне недавно позвонили из Стокгольма и попросили сделать доклад об энергетической политике России на собрании экспертов Балтии. Балтия в каком-то смысле, как и Средиземное море, некий энергетический узел для Европы.

Как физик начну с того, что, во-первых, в энергии есть чисто физическая составляющая: энергия легко измеряется, транспортируется и обладает свойством универсальности. Единица измерения квт/час принята во всех странах. С другой стороны, энергия, так же как информация, является даже не мировым товаром, а мировой субстанцией, определяющей, по существу, развитие человечества. Человек практически одновременно научился говорить и высекать огонь.

В начале XX в. впервые в мире было осознано, что энергетика лежит в основе промышленного развития и могущества страны. Кстати, в России этому придавали значение больше, чем в других странах. Взять, например, знаменитый план ГОЭЛРО. Идеология этого плана была разработана рядом просвещенных деятелей еще до революции, наиболее известный из которых, наверное, В.И. Вернадский. Этот план был осуществлен в 1920-е гг. ценой тотальной мобилизации ресурсов, благодаря чему удалось относительно быстро — меньше чем за десять лет — создать энергетические предпосылки дальнейшего развития России.

Сейчас, на мой взгляд, складывается в каком-то смысле аналогичная ситуация, в первую очередь в странах Юго-Восточной Азии, поэтому книга, выпущенная МГИМО, очень своевременна. Её авторы, правда, говорят больше о Восточной Азии, но понимают ее расширительно, то есть на самом деле напрямую касаясь Юго-Восточной Азии — самого быстрорастущего сегодня региона на земном шаре.

С. П. Капица

По-видимому, это последний узел: Тихий океан становится последним средиземноморьем нашей планеты после Атлантического океана и собственно Средиземного моря. Других подобных пространств на Земле уже нет.

Сейчас все говорят о глобализации, — я думаю, ни в какой другой области глобализация не проявляется в такой мере, как в области энергетики. Энергия легко пересекает границы, легко измеряется, и в этом смысле это универсальная субстанция.

Уместно сказать об энергетической дипломатии. На мой взгляд, энергетика всегда была инструментом дипломатии, важный вопрос которой состоит в том, как она осмысливается на уровне межгосударственных отношений.

Но я бы хотел сказать о предмете, которым занимаюсь несколько лет, — о демографии, поскольку заказчики энергии, потребители энер-

гии — люди, народы мира. И именно население в Юго-Восточной Азии растет сейчас быстрее, чем в других регионах мира. Народонаселение нашей страны, народонаселение Европы и всего так называемого развитого мира в настоящее время практически не увеличивается, и потребление энергии здесь остается стабильным. До этого момента рост народонаселения вызывал потребление энергии, темпы роста которого в два раза превышали темпы роста самого народонаселения. Если в XIX в. народонаселение возрастало в среднем на 1%, то производство и распределение энергии увеличивалось на 2% в год. В связи с этим я думаю, что потребление энергии в восточных и юго-восточных странах, в первую очередь в Китае и Индии, будут определять два фактора — режим развития собственной экономики и высокий рост населения.

Физика энергии, по-видимому, изменится мало. Надежды на быстрое производство термоядерной энергии пока не оправдываются. Термоядерная энергетика — на горизонте, а горизонт, как известно, по мере приближения удаляется. Правда, в 2006 г. была присуждена международная премия за проект опытной термоядерной установки, которая должна быть построена в ближайшие десять лет.

Есть ли альтернативные источники энергии, кроме ядерной энергии, газа и нефти? Я не думаю, что сейчас можно всерьез рассчитывать на какие-либо новые источники энергии, несмотря на разного рода заявления по этому поводу. Ветер, морские течения и прочее пока играют второстепенную роль. Больше энергии можно сэкономить с помощью разумных инженерных решений, чем полагаться на какие-либо альтернативные способы ее получения. Произойдет второе рождение, «второе пришествие» ядерной энергии деления — на большее, я думаю, физика рассчитывать не может. Конечно, хорошо, если бы заработала термоядерная энергетика, но пока прогнозы в этой области достаточно сдержанные.

Сегодня же, наверное, мы будем говорить о значении и последствиях энергетической стратегии. В нашей повестке ведущее место занимает энергетическая дипломатия, и я предоставляю слово Алексею Дмитриевичу Воскресенскому, профессору МГИМО, члену нашего Клуба.

А. Д. Воскресенский

Скажу сразу, что книгу «Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии» наш коллектив выпустил под руководством ректора МГИМО — Университета, члена-корреспондента РАН А. В. Торкунова. К сожалению, Анатолий Васильевич не смог сегодня прийти на презентацию. Без его поддержки мы вряд ли

смогли бы подготовить и издать такой колоссальный труд. Я же один из авторов этой книги, научный редактор и, если можно так выразиться, научный менеджер проекта.

Несколько месяцев назад в составе делегации нашего университета я принимал участие в переговорах с Сингапурским национальным университетом по поводу организации совместных программ обучения. После переговоров, зайдя в один из сингапурских книжных магазинов, я купил книгу «Energy Security in Asia», изданную одним из международных лидеров по выпуску научно-аналитической продукции — издательством Routledge, заплатив за нее 248 сингапурских долларов. Эту книгу я специально захватил с собой, чтобы показать, насколько это исследование меньше выполненного нами по объему. Тогда (март-апрель 2007 г.) книга «Energy Security in Asia» была единственной в мире на тему энергетической безопасности в Восточной Азии. Наше исследование вышло в свет всего три месяца спустя, в августе 2007 г., т. е. по меркам издательского рынка научно-аналитической продукции обе книги появились фактически одновременно.

С. П. Капица

Значит, ваша книга, судя по объёму, должна стоить 1000 долларов?

А. Д. Воскресенский

Возможно. Конечно, всегда можно спорить о глубине исследования, но наше исследование по объёму и широте охвата проблематики в несколько раз больше.

Мы часто говорим, что в области инноваций и интеллектуального осмысления общественных явлений Россия отстает от международного сообщества. В данном случае мы попытались, насколько удалось, создать интеллектуальный продукт на мировом уровне, не уступающий, а по ряду параметров и превосходящий мировые разработки в этой области. О глубине нашего исследования как один из авторов и научный редактор книги я предпочту умолчать, поскольку мое мнение может быть субъективным, но простое сравнение по объему и широте охваченного анализом материала говорит само за себя. Мы сделали попытку предложить вниманию аналитического сообщества более масштабное и более широкое по охвату проблематики исследование.

На мой взгляд, это необычайно важная для нашей страны тема, поскольку во всем мире сейчас, особенно в течение последнего года, много говорится об энергетической дипломатии вообще и об энергетической дипломатии России в частности. Говорится о роли России как энергетической супердержавы или о том, какую другую роль она

могла бы играть в мире. По поводу этих понятий разгорелась острая дискуссия как в СМИ, так и в серьезных научных и аналитических изданиях. Кроме того, в последнее время власть в России активно говорит о развитии Дальнего Востока и Сибири. Если проанализировать политику Президента России В. В. Путина на протяжении последних лет, то видно, что интенсивное продвижение нашей страны на Восток имеет долгосрочный курс. В связи с этим мы надеемся, что наша книга будет не только теоретическим, но и вполне практическим подспорьем для понимания, как двигаться на Восток и какова роль энергетической проблематики в этом продвижении. Собственно, в этом смысл и нашего сегодняшнего обсуждения.

Я постараюсь коротко очертить круг вопросов, которые мы затрагивали в нашем исследовании, а затем мне и другим присутствующим здесь членам авторского коллектива, конечно, было бы интересно послушать, что думают по этому поводу уважаемые эксперты из разных организаций.

Начнем с главного, пожалуй, вопроса, вокруг которого всегда возникает полемика, и сейчас особенно интенсивно: заканчиваются ли энергоресурсы, что из этого следует и т. д.? По всем прогнозам, годовое потребление энергоресурсов в мире будет возрастать, но об исчерпанности мировых запасов углеводородов говорить еще рано. В такой ситуации Россия получает уникальный шанс использовать эти ресурсы для решения внутренних проблем, для модернизации страны. В вводной части нашего исследования даны соответствующие статистические данные — я не хочу повторять цифры, в книге все наглядно представлено. Совершенно очевидно, что в целом при повышении спроса на энергию возрастет конкуренция как в группе импортёров, так и экспортеров энергии. Поэтому очень важно иметь, по крайней мере, краткосрочный или среднесрочный прогноз по поводу того, что произойдет на мировых рынках энергии, в том числе в сопутствующих энергетике областях.

В литературе и аналитике в области энергетике большое внимание уделено техническим вопросам или финансовым аспектам энергетике. Что касается энергетической дипломатии, международных аспектов, формирования региональных рынков энергии, международных и региональных рисков, т. е. сопутствующих энергетике процессов, — здесь исследований очень мало, их практически нет. Можно спорить по поводу того, как мы структурировали материал в своей книге и что включили в качестве основных вопросов для рассмотрения, но такая постановка вопроса достаточно очевидна. Поэтому мы постарались достаточно детально и развернуто представить картину сопутствующую

щей энергетике проблематики, связанную с политическими и геополитическими рисками, с различными международными аспектами энергетической проблематики в Азии, к примеру, с формированием макро- и субрегионов и ролью внутриполитических факторов.

Посмотрим, что происходит у нас в стране в этой области: в 2003 г. правительство утвердило энергетическую стратегию России на период до 2020 г. и сформулировало задачу стать независимым участником в мировом обороте энергетических товаров вместо поставщика сырья. Чтобы осуществить это, необходима развернутая, детально проработанная картина происходящего на энергетических рынках. Очевидно, что главные потребители энергии в мире — США, Европа и Япония. Но сегодня — Сергей Петрович уже говорил об этом — вырисовывается новый регион, роль которого в мировой экономике и политике, а соответственно и в энергетике, начинает стремительно возрастать. Сегодня, наверное, можно говорить о формировании региона «Большая Восточная Азия», о стягивании, перекрещивании пространств в этом новом макрорегионе. И в этом макрорегионе очевидна новая роль Китая, который вместо импортера сырой нефти, каким он был всего десять лет назад, т.е. в 1996 г., стал одним из основных потребителей энергии. Причем по импорту углеводородов Китай сейчас уступает лишь США и Японии, а по потреблению — только США. Это говорит о том, какой «аппетит» у китайской экономики.

С другой стороны, из сказанного не следует, что китайская экономика по относительному энергопотреблению приближается к американской. С точки зрения энергоемкости на единицу продукции китайская экономика пока сильно уступает ведущим западным странам. Однако, если посмотреть, какую политику ведут китайские власти, становится ясно: китайские власти понимают, что развитие Китая зависит и, очевидно, в дальнейшем будет зависеть еще больше от потребления энергии. Соответственно в Китае активно, я бы даже сказал агрессивно, внедряются технологии энергосбережения. Понятно, что это дорогостоящие технологии, получить которые можно, либо обладая высоким уровнем технического развития, либо затрачивая большие средства на их закупку в других странах. Конечно, в Китае, как и во всем мире, внедряются различного рода альтернативные энергосберегающие технологии.

Человечество в целом находится в интенсивном поиске, чем можно было бы заменить углеводороды, но пока ограниченность альтернатив очевидна. Сейчас уже существует биоэнергетика, которая особенно эффективно развивается, конечно, в западных, технологически продвинутых странах. Но если биотопливо по стоимости сопоставимо,

возможно, с бензином, то ресурс двигателя, работающего на биотопливе, пока в два, а в некоторых случаях в три раза меньше ресурса классического двигателя внутреннего сгорания, работающего на бензине, дизеле или на солярке. Значит, финансовые затраты на эксплуатацию такого двигателя в целом пока явно больше.

Есть и другие ограничения в производстве и применении биотоплива. По-видимому, человечество в конце концов решит эту проблему, но также очевидно, что оно решит эту проблему прежде всего в странах, где технологический и экономический уровень выше среднего. Судя по всему, через некоторое время может возникнуть ситуация, когда в богатых, технологически развитых странах уровень потребления углеводородов начнет снижаться, а в развивающихся и бедных — возрастать. Возрастать из-за роста населения и наступления во многих из этих стран этапа энергетически затратного процесса индустриального развития. Соответственно возникает целая серия проблем, связанных с прогнозированием потребления в странах с разным уровнем развития технологий и с разной степенью модернизации экономик, особенно в странах Азии, многонаселенных и индустриализирующихся.

Следующая проблема. Возможно, что при переориентации экспортных энергопотоков из нашей страны в восточном направлении возникнет противоречие с контрактами, заключенными нашими энергетиками и нефтяниками на Западе. Хотя мы в книге подробно разбирали эту ситуацию, честно говоря, окончательного мнения у нас не сложилось. Вроде бы нефти для экспорта у нас достаточно как в расчете на западные рынки, так и на восточные, тем более что поставки в Восточную Азию дают России большой шанс решить проблему подъема и модернизации Сибири и Дальнего Востока. Тем не менее эксперты выказывают опасения по поводу нехватки нефти на два направления. Если это так, то возрастет значение энергетической дипломатии и международного измерения энергетической проблематики. Здесь я опять хотел бы подчеркнуть актуальность нашей книги, поскольку именно на этих проблемах мы и сконцентрировали свой анализ.

Хочу обратить ваше внимание на наш анализ процесса формирования макрорегиона «Большая Восточная Азия». Этот макрорегион только начинает складываться, но роль России в этом регионе значительно более выпуклая и перспективная, чем в узко понимаемой традиционной Восточной Азии. В Большой Восточной Азии Россия имеет стратегическое партнерство с Китаем и Индией, а также налаженные военно-политические отношения в Центральной Азии (Шанхайская организация сотрудничества, ОДКБ). Соответственно в целом в макро-

Фото И. Войниловича

А. Д. Воскресенский и С.П. Кашица

регионе Россия может опираться как на энергетику, так и на политическое и военно-техническое сотрудничество. Энергетика в Большой Восточной Азии сегодня становится очень мощным рычагом влияния на развитие региона. И рассуждения некоторых зарубежных аналитиков о том, что России в Восточной Азии особенно делать нечего, представляются надуманными, поскольку в Большой Восточной Азии Россия — мощный игрок. Возможно, один из мощнейших игроков. Другое дело, что нужно прогнозировать, как максимально использовать свои преимущества в интересах Российской Федерации.

По ходу заседания я набросал вопросы, которые, как мне кажется, требуют дальнейшего раскрытия в нашем обсуждении энергетических аспектов международных отношений и безопасности в Восточной Азии. Прежде всего, хотелось бы дополнительно оценить перспективы азиатского рынка. Если говорить о продвижении России в этот регион, — а регион может стать центром мирового экономи-

ческого роста в следующем десятилетии, значит, он играет особую роль с точки зрения экономики и политики в мировой политико-экономической системе, — то у России появляется в этом макрорегионе по крайней мере два мощных рычага влияния: энергетический и военно-технический ресурс. Возможно, именно эти рычаги могут стать базой для решения российских внутриэкономических, внутриполитических проблем, связанных с развитием Сибири и Дальнего Востока.

Другой важный момент — варианты стратегии продвижения России. В нашем исследовании представлено несколько стратегий: одна в главе, написанной членом-корреспондентом РАН В. В. Михеевым, а другая — в главе профессора В. Я. Портякова. Михеев сделал акцент на международной роли России как кладовой энергоресурсов для всего мира и для Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности. В. Я. Портяков сделал акцент на российско-китайском энергетическом сотрудничестве. Соответственно варианты стратегий имеют разные последствия для развития самой России. Это видно и из геополитических споров по поводу маршрута газопровода «Восточная Сибирь — Тихий океан»: опираться в первую очередь именно на российско-китайское стратегическое сотрудничество в этой области и ориентироваться на китайский рынок или создавать новый восточно-азиатский открытый и конкурентный рынок, где российские энергетические ресурсы будут востребованы целым рядом стран Азиатско-Тихоокеанского региона — Китаем, США, Японией, другими странами АТР?

Возникает вопрос, сможет ли Россия использовать свою энергетическую дипломатию для решения проблем Сибири и Дальнего Востока? Сможет ли Россия диверсифицировать рынки потребления энергоресурсов? И немаловажный вопрос, как это продвижение России на энергетические рынки Восточной Азии будет расцениваться, в частности, на Западе? Очевидно, что в разных странах есть разные взгляды по поводу новой энергетической политики России, перспектив ее энергетической дипломатии и т. д.

Я очертил примерный круг вопросов, которые хотелось бы обсудить на нашем заседании, и мне было бы очень интересно послушать, что думают эксперты по этому поводу.

С. П. Капица

Спасибо, Алексей Дмитриевич, по-моему, Вы очень хорошо обобщили проблемы и поставили вопросы для дальнейшей дискуссии.

Я хотел бы также отметить здесь значение технической составляющей. Энергетика развивается на основе большой техники, и наша

страна могла бы, наверное, быть вполне успешным поставщиком в области энергетического машиностроения. К примеру, очень большой потенциал имеет завод «Силовые машины» в Санкт-Петербурге. По существу, энергетическая мощь нашей страны в значительной мере обеспечивалась ленинградским, петербургским энергетическим машиностроением. А такое быстро не построишь.

Вы сделали правильный акцент на том, что в дипломатических, межгосударственных отношениях важно уметь точно разыгрывать карты и использовать свои энергетические козыри. Мне вспоминается, как в 1950-х годах во время приема во французском Посольстве посол Франции спросил у моего отца, сколько в нашей стране урана? На что отец ответил: «1/6 мировых запасов». Это была неточная оценка — скорее, шутка, основанная на том, что Советский Союз занимал 1/6 земного шара, хотя урана в стране действительно было много. Сейчас его несколько поубавилось: одно из самых крупных месторождений урана находится на территории Казахстана.

Я хочу предоставить слово Вячеславу Яковлевичу Белокреницкому, заведующему отделом Ближнего Востока Института востоковедения Академии наук, профессору кафедры востоковедения МГИМО.

В. Я. Белокреницкий

Я не специалист по энергетике, я специалист, скорее, по проблемам рисков, касающихся программы Китая в этой области и стран Восточной Азии. Моя глава в книге посвящена нетрадиционным политическим рискам, связанным с энергетической программой Китая и других стран Восточной Азии. Чтобы не повторяться, остановлюсь на некоторых вопросах, выделенных в тезисах нашего заседания и непосредственно касающихся темы обсуждения «Россия на энергетических рынках Восточной Азии».

Поскольку мне довелось ознакомиться с китайской энергетической программой и у меня есть представление о потребностях Китая в импорте нефти, на мой взгляд, в тезисах правильно поставлен вопрос, удастся ли России занять место на китайском энергетическом рынке в ближайшей перспективе, если не активизировать свои усилия в строительстве трубопровода. Мне думается, такие опасения оправданны, потому что Россия задержалась с выходом на восточноазиатский, прежде всего китайский рынок. По известным, будем прямо говорить, политическим причинам Россия выходит на этот рынок с некоторым опозданием. Правда, в последние полтора-два года активность России повысилась, и по статистике наша страна вышла на четвертое место по экспорту нефти в Китай. Тем не менее часть рынка, принадлежавшая России, была уступ-

лена Казахстану. По казахстанскому трубопроводу качают частично и российскую нефть, но это можно было бы сделать по российским каналам, поэтому прозвучавшая в тезисах тревога, что если к 2010 г. российские компании не станут полноправными участниками китайского рынка и шанс может быть упущен, на мой взгляд, оправданна.

Далее. Концепция Большой Восточной Азии действительно дает основания рассматривать её как очень серьезную — в этом большая заслуга Алексея Дмитриевича Воскресенского. Большой Китай или Большая Восточная Азия — формирующийся регион, и он формируется, в том числе, за счет энергетической составляющей. В то же время, мне кажется, что энергетическую составляющую здесь нельзя рассматривать как единственную и доминирующую, потому что, как показывает опыт, Китай в последнее время находит возможности удовлетворять свои потребности в импорте нефти далеко за пределами непосредственно прилегающего к нему региона. По данным 2006 г., самой крупной страной-экспортером нефти в Китай является Ангола. На втором месте — Саудовская Аравия (Ангола в 2006 г. обогнала Саудовскую Аравию), затем Иран и только потом Россия. Казахстан находится где-то на седьмом-восьмом месте.

Таким образом, ближний круг не обязательно становится самым важным с точки зрения энергетического обеспечения. Остаются другие составляющие: торговля, транспорт, эмиграция рабочей силы и пр. И военное, военно-политическое, стратегическое давление действительно создает возможности для формирования геополитического и, в известной мере, экономического — большого геоэкономического Восточно-Азиатского ареала. Энергетика может быть такой составляющей, но она в этом смысле не единственная, не солирующая.

С. П. Капица

Скажите, пожалуйста, возникающая взаимозависимость в этой области при наличии разных поставщиков, которых Вы перечислили, — это что? Гарантия некоей глобальной устойчивости этой системы? Здесь нет монополии, и может быть, очень хорошо, что нет монополии. Все взаимосвязаны, поэтому такой мир, возможно, более надежный?

В. Я. Белокреницкий

Я думаю, да. Во всяком случае, с точки зрения Китая. Китай, став импортером нефти в 1993 г., столкнулся с проблемой, откуда ввозить нефть. Были попытки обратиться к России. Китай надеялся на Казахстан и, в общем-то, кое-что получил из Казахстана, здесь надежды его в известной мере оправдались. Но потребности Китая велики, и он старается широко

В. Я. Белокреницкий

разбросать свои инвестиции: я упомянул об Африке, но есть еще латиноамериканское направление китайской политики. Китайцы действительно ведут разносторонний поиск путей собственного обеспечения энергоносителями — и нефтью, и сейчас природным газом. Природный газ вскоре займёт одно из важных мест в энерго-импорте Китая. Здесь он старается диверсифицировать свои источники. Да, как мне кажется, в известной мере Вы правы: это создает для Китая определенную надежность.

С. П. Капица

В смысле глобальной безопасности.

В. Я. Белокреницкий

Да. И еще мне кажется, здесь очень важно, что Китай, как считают эксперты, давно испытывает большую тревогу по поводу такого

узкого места для снабжения нефтью по морю, как Малаккский пролив. Даже нефть из Анголы поступает по Малаккскому проливу. Видимо, Китай ищет пути обхода, но пока не нашел доступного для себя выхода из этой ситуации. Китай соизмеряет свои возможности и меру опасности такого «узкого» места, как Малаккский пролив. Китай ищет обходные варианты через Мьянму, через Пакистан, конечно, через Центральную Евразию, но на данном этапе не придает этому процессу приоритетного значения. Он пытается диверсифицировать проблему и ведет себя достаточно рационально как игрок на энергетическом рынке, не смешивая эти свои цели и задачи с целями и задачами, скажем, геополитического характера. Пока Китай, возможно, не в состоянии это сделать.

С. П. Капица

Здесь есть еще один момент, который я хотел бы отметить и уточнить оценку. Я читал, что Индия стала очень мощным экспортером программного продукта. Мне говорили, что экспорт этого продукта составляет, кажется, 60 млрд. долларов в год.

В. Я. Белокреницкий

По последним данным — 34 млрд. Может быть, конечно, цифры изменились, они меняются быстрее, чем мы узнаем о них. Возможно, что названная Вами цифра правильная, но мне знакома другая — в два раза меньше.

С. П. Капица

Может быть, суть того, о чем мне говорили, заключается в том, что экспорт программного продукта в Индии почти сопоставим с затратами на нефть.

В. Я. Белокреницкий

Это если Вам дали правильные данные об экспорте. Я думаю, что, если судить по предшествующим темпам роста, экспорт 60 млрд. в год — слишком много. Он мог увеличиться сейчас, скажем, до 40 млрд., никак не больше.

Вы хотите сказать, что экспорт программного продукта позволяет Индии в какой-то степени покрывать затраты на потребление нефти? Прямо скажу, я точно не знаю, сколько в денежном объеме составляет импорт нефти в Индии.

С. П. Капица

Мне тоже показалось это немного странным. Следующий выступающий — Александр Игоревич Салицкий, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.

А. И. Салицкий

Индия ввезла в прошлом году 120 млн. т нефти. Тонна нефти в прошлом году стоила примерно 400 долларов, сейчас — почти 550. Если посчитать, получается, что нефть составляет больше 50% индийского импорта. Тем не менее...

С. П. Капица

Это сопоставимо с экспортом их программного продукта?

А. И. Салицкий

Да. Вспомните ситуацию в Индии в 1991 г., когда повысилась цена на нефть, к тому же из-за всяких неприятных событий пришлось вернуть рабочих с Ближнего Востока. В то время Индии пришлось туго, в том числе и потому, что она была не в состоянии оплатить по счету за нефть, намного меньшему, чем сейчас. Сейчас Индия легко с этим справляется. Счета, мне кажется, — показатель того, что мега-экономики (китайская и индийская) уже настолько основательны и настолько хорошо запаслись, в том числе финансовыми ресурсами, что даже значительные колебания на энергетических рынках не оказывают на них сильного влияния.

По этой причине, может быть, вообще вся энергетическая проблематика, особенно в нашей стране, несколько переоценивается. Мы говорим о какой-то странной роли России как какого-то глобального игрока, хотя речь-то, в общем, идет о весьма простых вещах — о поставках углеводородов, поставке угля в другие страны. Это весьма рутинный продукт и не очень сложные технологии, по крайней мере те, которые используются в нашей стране. У нас даже нет технологий, применяемых китайцами на своих старых месторождениях, и на наших старых месторождениях остается много нефти.

Это к вопросу о том, что энергетическая проблематика в силу нашей нынешней специализации в мировом хозяйстве несколько переоценивается, из-за чего, как мне кажется, мы постоянно совершаем неверные действия. Вместо того чтобы дружить с поставщиками этого товара, координировать свою деятельность и рассматривать совместные планы стабильных поставок на мировой рынок, мы норовим дружить с потребителями продукта. А дружба поставщика и потребителя, как

Фото И. Войниловича

А. И. Салицкий

показывает опыт, всегда чревата тем, что потребитель может не всегда вести себя предпочтительным для нас образом.

С этой точки зрения российские восточноазиатские проекты — запоздалое, но верное решение. Они дают возможность стягивать нашу огромную территорию дополнительными нитями (газопровод, транзит, инфраструктура), удерживающими страну экономически. Укрепить экономической основой все-таки произошедшую у нас политическую консолидацию. Кстати, я бы похвалил Газпром, что в переговорах с Китаем он заявляет, что в первую очередь будет газифицировать нашу территорию, а Китай получит то, что останется. Это позиция знающего дело торговца, не торопящегося занять место на внешних рынках, понимая, что его собственная база важнее, а товар свой он уж как-нибудь продаст. А потом, знаете, чем меньше продашь, тем дороже выручишь. Это первое обстоятельство, на которое я хотел бы обратить внимание.

Второе. К сожалению, у нас бытует мнение, — и Алексей Дмитриевич повторил это сегодня, — что по затратам энергии, по энергоэффективности производств Китай значительно уступает развитым капиталистическим странам. Это глубокое заблуждение. Чтобы рассчитать, сколько приходится валового внутреннего продукта на единицу энергии, необходимо использовать показатель паритета покупательной способности. Именно паритет покупательной способности отражает объем реальных материальных благ в том или ином обществе. Такие подсчеты нельзя делать на основании официального валютного курса. Производство реальных благ требует реальной энергии. Если провести небольшие сравнения по паритету покупательной способности, то получается, что в США на производство, скажем, 1 доллара ВВП затрачивается сейчас примерно 320 г условного топлива, а в Японии — всего 180 г. В Китае этот показатель составляет 220 г, что хуже, чем в Японии, но значительно лучше, чем в США. Более того, это даже лучше, чем в Южной Корее, где на производство 1 доллара ВВП затрачивается примерно 245 г условного топлива.

В связи с этим я хочу привлечь внимание еще к одной интересной особенности китайского хозяйства. Полагая, что Китай и дальше будет наращивать потребление первичных источников энергии, мы рискуем ошибиться, потому что развитие Китая (по крайней мере, что касается структуры его экономики) может следовать по двум направлениям. Китай может продолжать утверждаться в статусе ведущей промышленной державы мира, что в действительности происходит, поскольку в расчете реального продукта на Китай приходится четверть мирового промышленного производства. Его доля в мировом промышленном производстве ежегодно возрастает примерно на 1,7%. Если Китай и дальше будет укрепляться в этом статусе, то в силу закономерностей мировой экономики и желания многих перенести производственные платформы именно в Китай может продолжиться довольно любопытное движение, которое, в общем, редко наблюдалось в развитых странах. В Китае самая высокая когда-либо в мире доля промышленности в валовом внутреннем продукте. Она составляет 47% против 41% сферы услуг и 12% сельского хозяйства. Самое любопытное, что в Китае на протяжении последних пяти лет доля промышленности в ВВП увеличивалась, т.е. промышленность росла опережающими темпами по сравнению со сферой услуг.

Так вот, существует два варианта развития. Первый вариант: Китай может и дальше наращивать долю промышленности в структуре своей экономики — возможно, даже не столько в соответствии со своими желаниями, сколько из-за очень благоприятного климата для промышленных инвестиций. Или же, наоборот, — второй вариант, — произой-

дет нечто такое, что заставит Китай двигаться по пути многих других стран, в том числе и его восточноазиатских соседей, и произойдет рост доли услуг в его валовом внутреннем продукте. В этом случае следует ожидать, что энергопотребление будет снижаться существенно более высокими темпами, чем предполагают даже китайские специалисты, поставившие цель снизить удельное энергопотребление на 20% в ближайшей пятилетке. Я уверен, что они этой цели добьются, потому что в предыдущей, десятой пятилетке страна наращивала удельный вес, в том числе и тяжелой промышленности — химической, металлургической и пр. Достаточно сказать, что сейчас уже примерно 35% мирового производства приходится на КНР.

Короче говоря, эволюция этого индустриального гиганта и структурные сдвиги в его хозяйстве — это то, за чем надо особенно внимательно следить нашим энергетикам, выявляя перспективные потребности китайского хозяйства, чтобы ориентировать себя на соответствующие программы развития или, может быть, консервирование каких-то месторождений (это тоже вполне возможный ход в нашей энергетике). Конкурентоспособность нашей страны итак уже сильно подорвана нефтяным экспортом. Здесь у нас действительно серьезные политэкономические проблемы, которые мы пока не можем решить должным образом. На мой взгляд, нам совсем не обязательно закреплять за собой роль поставщика энергоресурсов на мировой рынок на длительную перспективу.

Напомню еще один факт: примерно 20 лет назад в экспорте Китая нефть и нефтепродукты составляли 35%, а сырьевые товары — более 50%, т.е. еще в 1985 г. страна была преимущественно экспортером сырья и топлива. И примерно за десять лет Китаю удалось практически полностью изменить структуру своего участия в мировом хозяйстве. У Китая больше времени ушло на вступление в ВТО, на переговоры с этой организацией и пр. Поэтому все это не так уж сложно и при желании можно сделать довольно быстро.

С. П. Капица

Мне кажется, Вы сделали важное замечание. Очень поучительно также сравнение стран по энергопотреблению.

Есть вопросы? Пожалуйста, Владимир Андреевич Корсун, доцент кафедры востоковедения МГИМО.

В. А. Корсун

У меня реплика — что называется, не могу молчать. Попытка использовать для сравнительного анализа паритет покупательной способ-

ности очень спекулятивна. Существует точка зрения, которую, кстати, разделяет и Василий Васильевич Михеев, заключающаяся в том, что как минимум половину продукции, рассчитанной таким способом корзины, европеец не купит ни за какие деньги. Поэтому стремление использовать некий универсальный механизм, тем более для сравнения, подтверждает известный тезис о том, что есть большая ложь, а есть статистика.

А. И. Салицкий

Я отвечаю, что 90% китайцев не покупают вещи по ценам европейских магазинов.

В. А. Корсун

Но речь идет о сравнении эффективности энергоиспользования — к этому надо относиться более корректно.

А. И. Салицкий

Это общепринятый способ. Он был использован, кстати, в последнем докладе Азиатского банка развития, потому что расчет энергоемкости продукта нужно вести только по паритету покупательной способности. Речь идет о том, что, скажем, бутылка пива в США стоит 1 доллар, а в Китае — 0,25 доллара. Но на производство бутылки пива должно быть израсходовано одинаковое количество энергии и в США, и в КНР — поймите это!

С. П. Капица

То, что сказал Александр Игоревич, на мой взгляд, правильно. Это позволяет каким-то образом сравнивать процессы, особенно по секторам экономики. А что происходит внутри секторов, учитывается по другим критериям, если я правильно понимаю.

В. Я. Белокрыцкий

Мне кажется, говорить об общепринятости измерения национального дохода в терминах паритета покупательной способности можно только с очень большой натяжкой. От этого отказались многие международные организации. Возьмите последние отчеты Мирового банка — во многих из них отсутствуют данные о паритетном национальном доходе. Могу сказать, что истина находится посередине. Правда есть и в том, и в другом измерении. Для разных целей, возможно, нужно применять и то, и другое. И учитывать, что ни тот, ни другой пока-

затель в полной мере не отражают истину. Здесь нужен дифференцированный подход. Но в последнее время, насколько я могу судить по международной статистике, для измерения больше предпочитают использовать номинальный доход.

А. И. Салицкий

Понимаете, печатать деньги и производить товары — разные занятия. С энергетической точки зрения, естественно, печатать деньги дешевле. Но, повторю, паритет покупательной способности учитывает реальную массу произведенной продукции — тонны железа, зерна, химических удобрений, алюминия и т. д. Поскольку по всем этим показателям получается, что в Китае — четверть мирового промышленного производства, а в США — примерно 18%, естественно, что Китай тратит значительно меньше энергоресурсов, чем США. Скажите: где более экономичное хозяйство?

Из зала

Качество промышленного производства учитывается?

А. И. Салицкий

Качество подтверждается темпами роста китайского экспорта. А он растет примерно на 27% в год.

Из зала

Ничего подобного, качество китайских товаров различное. То, что идет на экспорт, и то, что потребляется внутри страны, — различается, поэтому сравнивать такие показатели тоже надо дифференцированно.

С. П. Капица

Продолжим выступления. Слово Юрию Михайловичу Галеновичу, г. н. с. Института Дальнего Востока РАН. Пожалуйста, Юрий Михайлович.

Ю. М. Галенович

Партнерство, по-моему, должно охватывать и энергетическую сферу, в том числе и с Китаем. Партнерство нуждается в духовном взаимопонимании как атмосфере экономической жизни. Приведу несколько штрихов картины духовного взаимопонимания в 2006–2007 гг., во время «Года России в Китае» и «Года Китая в России».

Ю. М. Галенович

В апреле 2007 г. в Пекине издательством Академии общественных наук Китая была издана «Желтая книга» (Хуанпи шу) под названием «Доклад о развитии России и государств Восточной Европы и Центральной Азии в 2006 году». В этой книге на с. 44 есть раздел, озаглавленный следующим образом: «„Теория опасности со стороны Китая“ снова поднимает голову в России и является одним из факторов, составляющих фон наших отношений, ведущим к трениям между Китаем и Россией».

В этом небольшом по объему, но важном по содержанию разделе сказано следующее: «Хотя „теория опасности со стороны Китая“ не является главным течением в китайско-российских отношениях, тем не менее каждый раз, когда в России принимаются важные решения в области политики отношений с Китаем, эту теорию берут на вооружение представители сил, бойкотирующих Китай, ненави-

дящих Китай, ведущих борьбу против Китая («Пай Хуа», «Чоу Хуа», «Фань Хуа») и дезорганизирующих ситуацию. Дело о продаже на аукционе акций «Славнефти» и скандал, выразившийся в изменении линии прокладки (маршрута) китайско-российского нефтепровода — все это свидетельствует о том, что «теория опасности со стороны Китая» представляет громадную угрозу отношениям стратегического партнерства между Китаем и Россией. А появление трений в отношениях Китая и России в свою очередь подливает масла в огонь «теории опасности со стороны Китая».

В 2006 г. в журнале «Элосы яньцзю» («Изучение России») № 4 был опубликован специальный комментарий «Китайско-российские отношения в новом периоде», автор которого — Ли Фэнлинь, бывший посол КНР в Москве, ныне директор Института Европы и Азии Центра развития при Госсовете КНР и президент Китайской ассоциации Восточной Европы и Центральной Азии. В этом комментарии Ли Фэнлинь пишет, что «осознание ценности китайско-российских отношений произошло в Китае раньше, чем в России,... только последние несколько лет русские начали ясно понимать, какую стратегическую ценность имеют китайско-российские связи». Далее автор пишет: «Мы хотим, чтобы Россия становилась сильнее, русским же не хотелось бы усиления Китая, они боятся сильного Китая, и эта психология страха существует в России до сих пор. ...У русских с давних пор утвердилось особое традиционное мышление, например, ощущение осажденной крепости, болезненный комплекс сверхдержавы и т.д.»

Ли Фэнлинь также утверждает: «Царская Россия в результате неравноправных договоров захватила громадные китайские территории... Все договоры России с Китаем после 1840 года были полностью неравноправными. Затем появились еще три неравноправных договора: договор 1896 г., договор 1945 г. и договор 1950 г.». Он приводит слова Дэн Сяопина о том, что «подлинная сущность китайско-советских разногласий заключалась в неравноправии, и китайцы испытывают унижение». Ли Фэнлинь также пишет, что в настоящее время между КНР и Россией установились «подлинно равноправные отношения».

В 2006 г. в КНР был выпущен восьмисерийный документальный («учебно-справочный») кинофильм под названием «Нужно принимать меры предосторожности заблаговременно — исторические уроки гибели КПСС». Основным автором пояснительного текста к фильму выступил Ли Шэньмин, вице-президент Академии общественных наук Китая. Главная мысль этого фильма состоит в том, что оценка событий 1991 г., данная КПК и КНР, сегодня совпадает с переосмыслением упомянутой ситуации в России и с мнением Президента РФ В.В. Путина.

При этом со ссылкой на анонимный источник в «мозговом штабе» президента РФ с удовлетворением отмечается, что «между правительством Путина и КПРФ Зюганова существуют различия, но есть и общее».

Сюй Чжимин, член НПКСК, председатель Генеральной ассоциации международных инвестиций Гонконга, почетный доктор РАН в вышедшей у нас в 2007 г. книге «Практика и поиски» в статье «Поощрять инвестиции китайских негосударственных предпринимателей в России» (с. 178) писал: «Россия — это место, откуда на мировые рынки поставляются энергоресурсы и сырьевые материалы, составляющие 75% стоимости ее экспорта. В последнее время Россия постепенно берет в свои руки контроль над энергоресурсами: в 2005 году иностранному капиталу было запрещено участие в тендерах на разработку запасов нефти, природного газа, золота, меди в этой стране. Участие государственных предприятий Китая в торговле нефтью и новейшими высокими технологиями, отнесенными к стратегическим ресурсам, также встретило препятствия из соображений военной секретности. Однако негосударственные [китайские] предприятия, используя свои финансовые преимущества в процессе торговли и инвестирования в вышеуказанные отрасли, будут способны выхолостить [российские] опасения, связанные с государственными интересами и стратегическими ресурсами. Будут бороться за то, чтобы добраться до [российских] энергоресурсов и новейших технологий, помочь [китайскому] государству смягчить трудности, связанные с их дефицитом, открыть для экономики [китайского] государства и ее оборонной промышленности еще один канал приобретения новейших и высоких технологий».

Вот такая информация.

С. П. Капица

Алексей Дмитриевич, не хотите ли Вы что-нибудь добавить к выступлениям авторов?

А. Д. Воскресенский

Я не хотел бы комментировать — все комментарии напечатаны в книге, где мы постарались изложить разные точки зрения. Скажу только, что у нас существуют разные концепции развития отношений с Китаем. Есть известная книга, написанная двумя очень известными авторами, которая называется «Россия и Китай до 2050 года. Концепция соразвития». Концепцию соразвития можно интерпретировать по-разному. Ее можно интерпретировать и как равное, и как неравное развитие двух сторон.

Конечно, сейчас некоторые тенденции в российско-китайских отношениях вызывают опасения. Промышленный экспорт России в Китай сократился до 1,2%, поэтому России нужно наращивать усилия, чтобы выступать на мировых рынках не только в роли поставщика энергии. Но это не единственные сложности, в которых мы пытались разобраться. Существуют разные мнения, в частности, по поводу развития российско-китайских отношений, особенно их регионального измерения. Это видение изложено в научных исследованиях и аналитических публикациях. Мы в своем исследовании постарались представить непредвзятый анализ энергетического измерения международных отношений и безопасности с точки зрения интересов Российской Федерации, постарались изложить разные точки зрения, не затушевывая их, и представить, насколько это возможно, консенсусное, консолидированное мнение экспертов по поводу проблем, не вызывающих разногласий.

С. П. Капица

Если нет больше вопросов к авторам книги, перейдем к другим выступлениям. Владимир Борисович Пастухов, научный руководитель Института публичной политики и права — пожалуйста, Вам слово.

В. Б. Пастухов

У меня три реплики-вопроса. Продолжая разговор на скептической ноте, я хочу сказать, что, безусловно, нельзя недооценивать внешнюю энергетическую политику, но, наверное, также опасно ее и переоценивать. Мне кажется, на определенном этапе развития, когда нам было совсем плохо, когда у нас почти не было веских аргументов для внешней политики, нам показалось, что выходом из положения может стать энергетическая экспансия, и мы ухватились за эту соломинку. Но, как часто бывает в России, соломинка стала расти, и в итоге превратилась в огромное бревно, которое мы теперь тащим с упорством, достойным лучшего применения. Это приводит к тому, что мы не совсем адекватно оцениваем и свои возможности, и того, что ждут от нас, и как бы это не привело к головокружению от успехов. В связи с этим, даже если Индия только 10% своего импорта энергоресурсов покрывает за счет экспорта программного обеспечения, даже если это соотношение столь малое, я считаю, что слова Сергея Петровича о том, что на это надо обратить внимание, заслуживают более тщательного анализа.

Второе. Мне кажется, что Ли Фэнлинь оптимист, если думает, что мы начинаем трезво оценивать Китай и проявлять к нему должный инте-

Фото И. Войниловича

В.Б. Пастухов

рес. Я считаю, мы еще далеки от этого. В нашем движении на Восток меня пугает, что мы, как всегда, не столько движемся к чему-то, сколько уходим от чего-то. Мне кажется, что импульс нашего восточного броска к Тихому океану связан пока не столько с тем, что мы хорошо понимаем свои интересы на Востоке и осознаем, что нас ждет в регионе Тихого океана, сколько убегаем от Запада. Не хочу цитировать Вадима Цымбурского (геополитик, с.н.с. Института философии РАН. — *Ред.*), но это типично русская реакция: получили немного по физиономии в Европе — вспомнили, что у российского орла две головы, и вторая начинает перекрикивать первую. Отсюда движение на Восток носит все-таки идеологический характер, а экономические обоснования идут вдогонку. У меня возникает вопрос, не получится ли, что мы станем заложниками собственных иллюзий и ожиданий, не имеющих под собой оснований?

Наконец, моя третья реплика-вопрос, вытекающая из второй. Мне кажется, что Большая Восточная Азия, как и Большая Европа, будет стремиться к прагматичному поведению. Она будет искать

источники поставок, чтобы сбить цены, любой ценой уменьшить свою зависимость от кого бы-то ни было, в том числе и от нас, а может быть, в первую очередь от нас, потому что известно, что тот, кто ближе, представляет наибольшую угрозу. Я думаю, что больше нефти они получают из Анголы. И это результат определенной политики: всегда легче зависеть от слабого, и Ангола — прекрасный выбор. Я даже удивился, что они сделали такой удачный выбор. В связи с этим, не получится ли так, что, двигаясь в соответствии с некоей иллюзией на Восток, мы окажемся меж двух стульев? Не разобравшись со своими проблемами в Европе, мы двинемся на Восток в надежде, что это поможет нам решить европейские проблемы, но столкнемся там с оппонентом-переговорщиком в десятки раз более жестким, организованным и монолитным, чем переговорщики в Европе? И не застрянем ли мы на полпути со своими нефте- и газопроводами, вложив колоссальные ресурсы, которые могут оказаться закопанными деньгами? Я хочу сказать, что, ориентируясь на Восток, наверное, мы движемся в правильном направлении, но насколько оно просчитано, насколько не рискованно, — это вызывает у меня вопрос.

С. П. Капица

Здесь можно привести другой тезис: чем более разнообразно переплетение связей в мире, тем он становится стабильнее. Любая монополия — источник нестабильности, потому что рано или поздно монополия либо утрачивается, либо начинает работать против вас. Обширная диверсификация, подразумеваемая глобализацией, по-моему, как раз способствует стабильности мира в будущем. Мне хотелось бы как-то ощутить этот тезис.

В. Б. Пастухов

Я согласен с этим и в практическом, и в философском смысле, но считаю, что мы всегда в целом стремимся где бы то ни было закрепитесь в качестве монополиста. И это естественно, потому что внешняя политика есть продолжение внутренней. А наша внутренняя политика сегодня основана на восстановлении монополизации во всем, в чем только можно. Это главная угроза. Я готов с Вами согласиться, что демонополизация, в том числе на внешних рынках, и необходимость конкурировать, в том числе и с Китаем, будет для нас очень полезна. Меня волнует другой вопрос: какова цена лечения, цена науки? Готовы ли, уверены ли мы, что вовремя извлечем урок? Не получится ли, что когда мы поймем, что в сложном мире никому не удастся длительно

удерживать монополию и рано или поздно придется стать конкурентоспособными, — не получится ли, что этот урок станет для нас смертельным, и мы не сможем его перенести? Но если мы этот урок освоим, это только стабилизирует ситуацию. Я просто не уверен, что мы готовы его осваивать.

С. П. Капица

Смысл Ваших слов состоит в том, что здесь есть урок, который можно выучить, а можно и не выучить. Слово просит Иосиф Евгеньевич Дискин, сопредседатель Совета по национальной стратегии.

И. О. Дискин

Мне приходилось дважды соприкоснуться с проблемой, которую мы обсуждаем, — первый раз в 1996 г. в качестве советника председателя Совета Федерации Егора Семеновича Строева. Тогда мы убеждали Президента Б. Н. Ельцина, что нужно начинать строительство газопровода из Ковыкты в Китай и Корею, и у меня была возможность посмотреть, как ведутся переговоры, какие были выставлены условия и какие аргументы используются. Китай тогда соглашался платить только 49 долларов за тысячу кубометров. И такая цена, при которой строить какие-либо газопроводы было бессмысленно, висела на переговорной позиции до недавнего времени. Это к вопросу о том, кто куда идет.

Второй раз мне пришлось с этим соприкоснуться, когда при подготовке доклада Совета по национальной стратегии и обсуждении разных геополитических проблем страны мы вели бесконечные дискуссии о том, как относиться к Китаю. Сегодня было сказано, что у нас существует некая боязнь Китая. Позволю небольшое самоцитирование. В свое время на совещании в Лондоне меня очень критиковали за то, что я не сочувствую позиции малых стран и не понимаю, почему Эстония и Латвия так остро реагируют на Россию. На что я ответил: «Подождите, вот мы еще лет 5–7 поживем рядом с Китаем и начнем хорошо понимать, что такое малая страна». Ряд политиков теперь уже понимают, что хотя наша страна и составляет 1/8 часть земного шара, но рядом — действительно большая страна. Чтобы понять, насколько большая, приведу маленький пример: Китай ежегодно вводит металлургических мощностей столько же, сколько вся металлургическая промышленность России.

Реплика из зала:

А качество?

И. Е. Дискин

Я говорю об объеме, я не говорю сейчас о качестве — с качеством мы разберемся. В связи с этим все время приходится размышлять: мы говорим о проектах, у которых есть одно отвратительное свойство — они очень долгие, очень длительные. Поэтому всякий, кто имеет дело с бизнесом на длительную перспективу, должен представлять, что за это время может произойти с его контрагентом. А в Китае 20 лет — нормальный срок для больших инфраструктурных проектов.

Возвращаясь к книге, которую мы сегодня обсуждаем, могу сказать, что книга замечательная, в ней бездна очень важного, полезного материала. Меня, правда, удивило, что в ней нет ссылок на конкурентов — я имею в виду доклад Совета национальной разведки США «Making of the Global Future», на четверть посвященный тем же проблемам. Приведу тезис из этого доклада о том, что в ближайшие 20 лет возникнет острая конкуренция за природные ресурсы. И в докладе подробно изложено, какой будет эта конкуренция. Это к вопросу о том, куда мы опоздали, — никуда мы не опоздали. Торопиться не надо, поскольку чем медленнее мы будем двигаться, тем дороже будут ресурсы и тем больше нам достанется, поэтому здесь надо быть спокойнее. И потом наш контрагент тоже не сильно торопится, за исключением Кореи, которая, как я понимаю, стоит за исследованием в этой книге. *(В ответ на реплику)* В книге много ссылок на БиПи, и я делаю вывод из поверхностного наблюдения — может быть, я ошибаюсь.

А. Д. Воскресенский

Скажу сразу, чтобы было понятно: в содержательном смысле за книгой никто, кроме авторского коллектива, не стоял.

И. Е. Дискин

Замечательно. С Кореей авторам более или менее понятно. Но почему происходит острая дискуссия по поводу Китая? Сегодня были названы две стратегии развития Китая. Принципиально я с ними согласен, если бы не одно «но». Китай, вроде бы, выбрал свою стратегию. Заявление о гармонизации экономики Китая говорит о том, что китайцы пытаются преодолеть глубочайшие диспропорции между экспортоориентированными прибрежными районами и остальной бескрайней территорией Китая с острой проблемой безработицы. Но хочу сказать, что как только они вступят на этот путь, — у них возникнет необходимость в очень капиталоемких инфраструктурных проектах. Это означает, что им нужно будет думать, как быть с темпами роста и решать проблемы энергетики. А тот, кто занимается Китаем,

И.Е. Дискин

Фото И. Войниловича

знает, что стоят десятки и сотни построенных фабрик, когда нет электроэнергии. Хотя Китай вводит такие энерго мощности, какие нам и не снились. Мы говорим у себя о ГОЭЛРО-2, а там при их темпах энергетического строительства каждый год вводится по ГОЭЛРО. Это чтобы было представление о масштабах динамики.

Китай ожидают две проблемы, первая — структурная перестройка экономики. Вторая проблема... Вообще говоря, полагать, что Китай останется таким, как есть, и сможет избежать проблемы посткоммунистического транзита, — очень смелое предположение. Пока это сделать никому не удавалось. Можно, конечно, предположить, что руководство Китая прагматично и гениально, но я считаю, что макросоциологические законы не подвластны даже руководству Китая, хотя надо отдать должное — это прагматичные, далеко смотрящие, проблемно ориентированные, стратегически мыслящие люди, в отличие от тех, кто руководил нашей страной в 1980-е годы. Разница в уровне кардинальная. Но, тем не менее, по словам классика: «Ходить бывает склизко/По камешкам иным,/Итак, о том, что близко,/Мы лучше умолчим» — Граф

Алексей Константинович Толстой, он всегда с нами («История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», стих. 69. — *Ред.*)

Итак, законы макросоциального транзита не обойти. Это проблемы ценностного перехода, измерения структуры ценностей, проблемы вообще изменения структуры личности. Люди, ориентированные на индивидуальный рациональный выбор, которых выковыивает китайская промышленность, плохо встраиваются в новую экономику. Когда говорят, что высокие темпы экономического роста возможны при авторитарном режиме, — это так, но только на начальном этапе с тяжелыми структурными решениями. Metallургию можно развивать быстро, но высокие технологии, электронику в условиях авторитаризма развивать не удавалось никому. А в Китае запускают такие проекты. Поэтому с точки зрения нашего Совета с высокой вероятностью можно утверждать, что в течение ближайших десяти лет в Китае наступит этап посткоммунистического транзита. Это только американцы думают, что есть один способ миновать посткоммунистический транзит — либеральная демократия. С нашей точки зрения, 70 к 30, что в такой стране с высоким уровнем традиционных ценностей, как Китай, консолидация в посткоммунистическом Китае произойдет на основе неоимперских ценностей. К сожалению, такова социология. Если это произойдет, вопрос о том, каково живется маленькой стране рядом с большой, нам придется осваивать вплотную.

Такой сценарий при разработке энергетических стратегий нужно иметь в виду, потому что *risk assessment* (англ., оценка риска. — *Ред.*) в серьезном стратегическом бизнесе — вещь, крайне необходимая, без нее нельзя строить большие проекты. И когда нам говорят, что частные компании должны решать проблемы, с которыми не справляется государство, — давайте переведем на русский язык, что это означает. Это означает массовые хищения интеллектуальной собственности и технологических секретов, имеющихся в оборонной промышленности Российской Федерации. Примеров на этот счет — бездна, начиная с китайского истребителя, который стоит на вооружении китайской армии, полностью скопированного с российского, созданного в нашем с вами Отечестве. Здесь все просто или очень просто.

Хочу еще раз подчеркнуть, что руководство КНР — наш надежный стратегический партнер. И до тех пор, пока существующая коммунистическая партия Китая с ее приоритетами и стратегическим видением будет у власти, мы можем строить прочное взаимовыгодное стратегическое партнерство с Китаем. Но надо понимать, что есть серьезная угроза, связанная с макросоциальным переходом и посткоммунистическим транзитом в Китае, которая может радикально изменить существ-

вующий режим. Это означает, что нам необходимо дифференцировать внешнеэкономическую стратегию на Дальнем Востоке, не привязываясь только к китайскому рынку. Именно этим определяется маршрут нефтепровода, ориентация проектов Сахалина и т. д.

Небольшая ремарка по поводу мифов о России как сырьевом придатке. Таких мифов два. Первый: сырьевой придаток существует тогда, когда есть рынок покупателя. В сфере энергоресурсов еще долго будет существовать рынок продавца, поэтому бессмысленно ставить вопрос о сырьевом придатке. Важнее другое: давайте посмотрим, что на самом деле мы продаем в виде нефти и газа. Продаем ренту (*в ответ на реплику*) — это правильно, но рента пока оседает в стабилизационном или резервном фонде. Продукт реальной продажи связан с геофизикой и супервысокими технологиями в этой области, стимулирующими космические, дистанционные и другие исследования. Государственные заказы, заказы нефтяных и газовых монополий — это средство для развития фундаментальных наук, для развития высоких технологий. А какие машины, какое оборудование используется при добыче нефти и пр.? Оборудование российского машиностроения.

Заказы нефтедобычи стимулировали и продолжают стимулировать не только производство, но и подъем технологического уровня машиностроения. Мы никогда не производили нефтяных и газовых платформ — сейчас производим их на экспорт. Производим качественные трубы — разве это не высокие технологии при создании перекачивающих станций и т. д.? За счет этой цепочки у нас модернизировано металлургическое производство. Поэтому, во-первых, мы продаем высокие российские технологии. Во-вторых, мы продаем продукцию российского машиностроения для нефтедобычи, которая в другом виде не очень конкурентоспособна. В-третьих, мы продаем продукцию металлургии, объем экспорта которой ограничен. Плюс мы продаем продукцию собственных строительно-монтажных работ.

В ответ на утверждение, что таким образом мы экспортируем свои недостаточно конкурентные технологии, скажу, что в упаковке нефти и газа мы преодолеваем недостаточность конкурентоспособности российской промышленности. Поэтому миф о сырьевом придатке, сырьевом экспорте надо отбросить. Здесь лозунг должен быть простым: «Сарынь на кичку!» (*Сарынь* — толпа, *кичка* — нос судна; приказ волжских разбойников идти на нос судна. — *Ред.*), и сколько удастся — столько прокладывать, добывать, продавать и т. д. Надо понимать, что в ближайшие 30 лет произойдет сильный энергетический переход на массовое топливо другой технологии, и наша нефтяная

и газовая карта не будет разыграна никогда. Не использовать это для развития российской экономики — безумие.

Другой вопрос, что аналогичное безумие проявляется в том, как мы обходимся с нефтяными и газовыми доходами. Но это предмет отдельной дискуссии. Что делать со стабилизационным или фондом развития и резервным фондом — проблема, достойная специального обсуждения.

А. Д. Воскресенский

Позвольте мне буквально одно слово. Сергей Петрович высказал мысль о взаимосвязанности, а Вы произнесли китайские слова о гармонизации. Может быть, нам нужна гармонизация отношений?

И. Е. Дискин

С действующим сегодня руководством Китая — безусловно. При этом не считаю зазорным поучиться тому, как Китай ставит проблемы своего национального развития. Очень было бы полезно и даже правильно, отправить пару-тройку наших министров на стажировку в правительство Китая, потому что такого непонимания разницы между проблемным и предметным подходами, как в нашем правительстве, нет нигде.

В. В. Никитаев

Позвольте внести небольшое дополнение. Хочу обратить внимание, что развитие восточносибирского экспортного направления нефти и газа встроено в рамки других, более комплексных программ. Известно, что в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутии) предполагается формирование новых центров добычи нефти. Для этого создана программа изучения месторождений, предоставления их в пользование. Это — с одной стороны. С другой стороны, параллельно предусматривается строительство нефтеперерабатывающих и газоперерабатывающих газохимических заводов на концах и нефтяной, и газовой трубы. Таким образом, как только будет построена труба, появится не только возможность перекачки нефти, но и снабжения наших нефтеперерабатывающих заводов. Более того, Роснефть приступила сейчас к разработке ТЭО строительства нового МПЗ на конце трубопроводной системы мощностью 10–20 млн. т. Могу сказать, что даже если наши китайские партнеры не захотят по каким-либо причинам принимать такое количество нефти, я вас уверяю, что наша нефтехимия все это «съест» с большим удовольствием.

А если говорить об экспорте газа, то здесь вообще программа называется так: «Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем

В. В. Никитаев

Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и другие страны АТР». Поэтому главное — это создание новой нефтегазовой промышленности, развитие нового производства — газохимии, которой никогда не было на Дальнем Востоке. Это поддержка отечественной нефтяной и химической промышленности и гармонизация наших отношений с нынешним или будущим китайским правительством.

В. П. Гутник

У меня тоже небольшое замечание. Вернусь к словам Сергея Петровича о том, что демонополизация ситуации полезна не только для развития российско-китайских отношений, но и для всего мирового развития. В то же время существует опасность, что мы опять создаем монопольную ситуацию, но в другом секторе.

Фото И. Войниловича

В. П. Гутник

За многовекторностью отношений у нас сейчас скрывается, как правильно сказал Владимир Борисович [Пастухов], отход от европейского направления как приоритетного. Мы не знаем, что делать с Европой. Мы никак не можем решить, какой формат отношений должен быть у нас с Европой, и поэтому, чтобы просто не пустовали наши геополитические стратегии, заполняем их восточным направлением.

Я полностью согласен, что было бы полезно не просто продавать нефть и газ Китаю и его соседям, но и таким образом развивать наши восточносибирские и дальневосточные территории. Но кто их будет там развивать? Семь миллионов человек, живущие в Дальневосточном округе, никакое газохимическое производство поднять не смогут. Нужны комплексные переброски очень больших ресурсов.

И последнее. В случае переориентации на усиление наших отношений с Китаем существует еще одна опасность, поскольку это усиле-

ние может произойти за счет других, за счет ослабления отношений с европейскими странами СНГ, которые нам только «вредят» и вызывают раздражение. Нам удобнее выстраивать свой внутренний порядок под нашего главного стратегического партнера. Произойдет в Китае посткоммунистическая трансформация или не произойдет — неизвестно, но пока там существует очень эффективный авторитарный режим, который создает эффективные условия для развития. Нам тоже такого хочется. Зачем нам брать пример с либерально-демократической Европы, для которой рост 2–2,5% — большое счастье? Такая позиция может вызвать серьезные, видимо, долгосрочные изменения стратегии развития страны, что вряд ли приведет к надежности развития мировой системы.

С. П. Капица

Трудно сказать. Я думаю, будет существовать и государственный, и частный подход — это неизбежно. Мне кажется, надо понимать существующую ситуацию. То, что мы сегодня обращены в сторону укрепления государственности страны, — наверное, это происходит по принципу движения маятника. Я не думаю, что это повлечет гибель частного сектора там, где он эффективен.

Слово попросил Олег Владимирович Пилипец, советник президента компании «Транснефть» по вопросам международных связей и развития. Это уже те, кто командует трубопроводом. Прошу Вас, Олег Владимирович.

О. В. Пилипец

Начну с лирического отступления: долгие годы моей жизни связаны с Волгой, и я с воодушевлением воспринимаю волжский лозунг «Сарынь на кичку!». Этот призыв усиливал боевую мощь, когда Степан Разин сотоварищи бил персидских купцов.

Я хотел бы высказаться в двух ипостасях — как представитель компании «Транснефть» и как нефтяник по образованию. Я много лет проработал в нефтедобывающей промышленности и в нефтеразведке, предметом моей деятельности были нефтяные проблемы как фактор международной политики.

Полностью признаю важность представленного нам на обсуждение коллективного труда. В книге затрагиваются сложные проблемы, изложены разные точки зрения, и их можно спокойно обсуждать. Мне очень нравится слово «гармонизация». У нас почему-то считается, что двигаться надо либо на Запад, либо на Восток. Если мы были обращены к Западу и чуть-чуть стали поворачиваться к Востоку, — тут же

Фото И. Войниловича

О. В. Пилипец

начинается паника. При этом я абсолютно согласен, что никуда нельзя бежать, сломя голову.

Вернемся к компании «Транснефть». В книге написано: «Когда возник замысел прокладки нефтепровода в Находку, он был активно поддержан Транснефтью». Хочу сказать, что замысел нефтепровода в Находку возник в советское время, когда Транснефти еще не было. Существовало министерство нефтяной и газовой промышленности, внутри которого работал департамент транспорта нефти, но в то время он ничего не мог поддерживать. Давали команду — департамент работал. В то время, кстати, украинский трубопроводный институт сделал хороший проект прокладки трубопровода от Ангарска с выходом в район Находки. Но потом возник вопрос: строить БАМ или продвигать нефтепровод? Поскольку ситуация была сложная и доминировало министерство обороны, приняли решение все деньги пустить на БАМ. Вопрос с нефтепроводом, естественно, отпал.

Как очевидец и участник процесса коснусь истории вопроса с нефтепроводом в Находку, чтобы внести ясность. Говорят о конкуренции

за трубопровод, об интригах: Транснефть — прояпонская, ЮКОС — прокитайский и пр. На самом деле получилось следующее. Возникла проблема с развитием Восточной Сибири, потому что, если вы доите корову, ее нужно кормить. Наши же ведущие нефтяные компании на протяжении многих лет недостаточно вкладывали в нефтеразведку. Главная проблема не в том, что у нас нет ресурсов, — у нас уникальные ресурсы. Главная проблема в том, что они недоразведаны. В этой ситуации ЮКОС говорит компании «Транснефть», что поскольку у них в Восточной Сибири есть определенный потенциал, давайте проложим трубопровод из Ангарска до Улан-Батора, в Улан-Баторе построим нефтеперерабатывающий завод и продвинемся в район Пекина. Мы их поддержали. Это предложение предполагало все важные компоненты: развитие, диверсификация, восточное направление. Приглашаем китайцев, начинаем обсуждать. Китайцы говорят: «Нет, господа, не пойдет!» — «Почему?» — «А мы, — говорят, — внимательно наблюдаем, как вы испытываете головную боль от транзита нефти через Латвию. Нам не нужна Монголия, поэтому давайте проведем трубу по югу Байкала, поднимемся и оттуда подойдем прямо к нам». И предложили нам проект.

В результате разработки проекта оказалось, что, во-первых, между Байкалом и границей Монголии труба должна проходить над Байкалом; во-вторых, там находятся Бурятские заповедники и, кроме того, это сейсмическая зона и пр. Поэтому единственно возможный вариант заключался в том, чтобы провести трубу в обход Байкала с севера. Когда же мы просчитали, во что и сколько нужно вкладывать, чтобы подойти к Сковородино с севера... *(в ответ на реплику)* В Восточной Сибири стоят скважины, готовые работать, поэтому слова о том, что мы закапываем деньги, сразу отвергаются. Я про нефтяников говорю, я не касаюсь газа. Это у Газпрома стоят законсервированные месторождения. Мы деньги не закапываем, мы строим. Я согласен с тем, что добыча востребованной российской нефти дает мощнейший толчок и для промышленного, и для научного развития.

Так вот, когда мы стали просчитывать, что необходимо для осуществления проекта, оказалось, что нам нужны трубы высокого стандарта. Качество отечественных труб не соответствовало международным стандартам. Поговорили с трубниками и решили, что будем делать свои трубы. Кстати, о поведении китайцев: как только мы сказали, что будем проводить нефтепровод до Сковородино, а из Сковородино пойдем на Находку, где найдется много желающих купить нефть, — китайцы сразу пошли на уступки.

Поэтому возникший проект прокладки нефтепровода в Находку — проект не компании ЮКОС или компании «Транснефть», это рос-

сийский проект, позволяющий открыть потенциал освоения ввода в производство имеющихся ресурсов и дать нашим нефтяникам выход и на Тихий океан, и на китайский рынок. Более того, основной потребитель ресурсов здесь — юг Китая. В районе Сковородино нет такого массового потребителя. А для повышения стоимости нашего экспорта — полностью с этим согласен — на концах трубы нужно иметь нефтеперерабатывающие заводы, чтобы перегонять китайцам нефтепродукты. *(В ответ на реплику)* Пройдет немного времени, и они купят. Поэтому мы не опоздали на китайский рынок, мы выходим вовремя. Почему китайцы закупают нефть в Анголе? Потому что сейчас они повсеместно ищут возможные варианты и везде, где можно, покупают нефть. Попытались выйти в США — получили щелчок по носу от американских торговых либералов, заявивших, что это затрагивает их национальные интересы.

Возвращаясь к проекту прокладки нефтепровода в Находку, повторяю еще раз, что это российский проект. В случае необходимости он дает возможность спокойно выходить на китайский рынок напрямую или выводить нефть сначала в Находку, а потом перевозить ее на танкерах. Для развития этого варианта, по моей оценке, нам нужно обратить серьезное внимание на западное побережье США.

Небольшое отступление: кроме необходимости повышать стоимость энергетического экспорта углеводородов в виде готовых нефтепродуктов, нам надо поднимать цену нашей нефти как фактора стабильности. В сложившейся ситуации вокруг Ирана, в Ираке, в Персидском заливе российская нефть приобретает новое качество — фактор стабильности. Об этом нужно говорить твердо и четко. Обратите внимание: при повышении на мировом рынке цены на нефть сначала увеличивается цена нефти с западной маркой и только потом с некоторым отставанием — российская нефть. Когда же цена на нефть падает, сразу обваливается российская нефть и только потом немного начинает падать западная. Здесь необходимо вести очень серьезные переговоры. Я считаю абсолютно правильным и уместным вопрос о создании российской нефтяной биржи. Мы должны иметь свою марку и отстаивать свои интересы.

Несколько слов о том, в каком направлении нам двигаться. Думаю, не очень приятно, когда во время пресс-конференции на цивилизованном Западе российскому президенту задают вопрос, не считает ли он, что западные страны закупают слишком много нефти в России, и это представляет для них опасность. Когда же российский президент ответил, что хорошо, пройдет немного времени, достроим трубу, не хотите покупать, пустим нефть в другие регионы, — таких вопросов

больше не задавали. Почему наша транспортная система должна быть все время забита до отказа? Она должна быть гибкой, чтобы иметь возможность двигаться во всех направлениях — и на запад, и на восток, и на север, и на юг. Мы даже прорабатывали этот вопрос: мы предлагали развить действующие трубопроводы из Сибири на Павлодар, дальше — на Чимкент с выходом на Чарджоу. Мы приступили к переговорам с иранцами, чтобы сначала ввозить нефть из Чарджоу в северную часть Ирана железнодорожным транспортом, а потом протянуть нефтепровод. Часть нефти, поставляемую на север Ирана по СВОП (операции по обмену активами. — *Ред.*), наша компания предполагала получать в Персидском заливе, сэкономив таким образом на транспортных перевозках. К сожалению, не по нашей вине этот план не осуществился. Началась сложная игра со стороны Ирана.

Американцев сейчас очень волнует, каким образом Китай будет дотягиваться до казахской нефти. Нефтепровод из Казахстана хотя и протянут в Китай, но в те районы, где нет потребителя (основные потребители на 4 тыс. км дальше). Мы в этом отношении находимся в уникальной ситуации.

К вопросу, кому нам отдавать предпочтение — Европе или двигаться на Восток, — приведу данные американских экспертов о долях национального валового продукта в мировой экономике. В 2004 г.: США — 28%, Европейский Союз — 34%; Япония — 12%; Китай — 4%. По прогнозу на 2025 г.: США — 27%; Европейский Союз — 25%; Япония — 7%; Китай — 15%. Прогноз на 2050 г.: США — 26% (практически не меняется); Европейский Союз — 15%; Япония — 4%; Китай — 28%.

Этот прогноз надо учитывать, принимая решение, где и как мы должны развивать свою политику. Поэтому трубопроводная система Транснефти превращается в трансконтинентальную систему развития и может служить мощным фактором стабилизации мирового нефтяного рынка. Американцев занимает геополитическая проблема, как обойти Россию. Они создают один проект за другим, однако сталкиваются с тем, что территории, по которым хотели бы провести нефтепровод, вызывают сомнения с точки зрения политической стабильности. Получается, что Россия — единственно надежный в этом смысле регион, поэтому развитая система российских магистральных трубопроводов с выходом на все стороны света составляет важную часть мирового рынка как элемент мировой интеграции.

Меня удивил вопрос, кто будет развивать нашу территорию в Сибири? В свое время, когда я начинал трудиться, в Тюмени, кроме комаров и болота, никого и ничего не было. Прошло время — освоили. И сейчас мы работаем в Сибири. Не без гордости говорю, что на рас-

стоянии 2,5 тыс. км от Тайшета до Сковородино мы провели нефтепровод длиной 1,3 тыс. км, т.е. больше чем наполовину. Мы открыли промышленные колледжи, готовим сварщиков. Вдоль нашего нефтепровода протягиваются линии связи, решаются проблемы с энергией. В этом состоит потребность реальной экономики.

При всем уважении к Польше я не могу понять, почему капитализация польской телекоммуникационной компании на рынке выше, чем капитализация Лукойла с его огромными ресурсами? Мне кажется, у нас происходит информационный перегрев. Информационная составляющая должна обслуживать задачи конкретной экономики. Если всем китайцам раздать по телефону, и они все начнут ими пользоваться, ничего больше не делая, — экономика от этого развиваться не станет.

Я не специалист по Китаю. Но вспоминаю, что, приехав в Штаты, через неделю решил, что разобрался во всех проблемах этой страны. Проработав шесть лет, понял, что ничего в них не понимаю. А в Китае меня поразило одно важное обстоятельство, которое мы, по-моему, недооцениваем. Вырастая, рак в определенные моменты должен менять панцирь: мы мало знакомы с тем, что такое «rotten city belt» (англ. «пояс ржавых городов». — *Ред*). Это брошенные районы Манчжурии, в которые китайцы в свое время вложили большие деньги и привлекли квалифицированные рабочие кадры. В этих районах более 120 млн. человек практически лишены пенсии. Задолженность по пенсионным выплатам превышает валютные накопления Китая. Мне рассказали об этом местные нефтяники — наши коллеги.

Они рассказали и о другой проблеме. После вступления в ВТО в Китай в массовом объеме стали ввозить сельскохозяйственную продукцию, и в сельской местности появились миллионы безработных, устремившиеся в города. Кроме того, люди со слезами на глазах говорили о перекосах китайской демографической политики — это всем известно. Политика одного ребенка на семью привела к тому, что дети в глубинке все равно рождались, как и прежде, но только за взятку их не регистрировали. Таких людей в Китае свыше 100 млн. (сейчас, кажется, порядка 250 млн.). Они — никто, они нигде не зафиксированы. Во время пребывания в Пекине я прочел в местной газете «China today», что по официальным данным ежегодный доход 25 млн. человек в Китае составляет 80 долл. Это тоже проблема.

Что касается энергетической эффективности Китая — не знаю статистики, но то, что над Пекином висит смог, и, кстати говоря, американцы начали поговаривать, что из-за этого в Китае могут не состояться Олимпийские игры, спортсмены надыхнутся...

Реплика из зала

Авторитарный режим решит эту проблему.

О. В. Пилипец

Авторитарный режим тоже не может обойти законы диалектики. При авторитарном режиме можно добиться успехов на определенном уровне, но дальнейшее развитие требует ослабления этого режима. Все это надо учитывать. Поэтому мы должны расширить свой кругозор, охватывая все стороны света. Я полностью согласен с теми, кто считает, что не надо слишком быстро бежать на Восток, нужно помнить и о Западе. Мы должны гармонизировать свою политику, сбалансировать ее так, чтобы на первом месте стояли национальные интересы России.

Ю. М. Галенович

Можно вопрос, касающийся Транснефти? В СМИ прошла информация, что на строительстве нефтепровода, о котором Вы говорили, будут работать 2 тыс. китайцев. Меня интересует, на каких условиях их привлекают? Эти китайцы — военные?

О. В. Пилипец

Что Вы имеете в виду под условиями?

Ю. М. Галенович

Сколько им будут платить? Будут ли разрешено общение, контакты с нашим населением? Какими партиями они будут приезжать и когда уезжать, и кому подконтрольна территория, на которой они будут работать и жить?

О. В. Пилипец

Они находятся под нашим контролем. С ними заключено соглашение, как с обычной строительной компанией.

Ю. М. Галенович

Как с иностранной или как с нашей компанией?

О. В. Пилипец

Как с обычной строительной компанией. Например, сейчас у нас работает западногерманская строительная компания (строит трубу), с которой тоже заключен контракт. Китайские рабочие живут в вагончиках, расположенных на трассах, миграционная служба их контроли-

Фото И. Войниловича

И. Д. Звягельская

рует. Договорились с ними о ценах. Но рабочих рук не хватает: к сожалению, сказалась низкая квалификация китайцев, поэтому сейчас мы приостановили работу, думаю, они скоро уедут.

С. П. Капица

Слово Ирине Доновне Звягельской, заместителю директора Центра стратегических исследований, профессору МГИМО.

И. Д. Звягельская

У меня небольшая реплика, касающаяся все той же темы: куда нам надо стремиться — в Европу или на Восток?

Мне кажется, если Россия претендует на глобальный статус, то надо понимать, что страна, не имеющая интересов в других регионах и не имеющая влияния в других регионах, не будет рассматриваться в Европе как равноправный партнер. Поэтому, если влияние России сейчас определяет энергетический фактор, — что же, пусть оно опре-

деляется этим фактором. Из этого, конечно, не следует, что мы должны абсолютизировать энергетический фактор и подменять дипломатию интересами корпораций (например, какой-нибудь газовой), как мы иногда это делаем в отношении некоторых государств СНГ, но тем не менее, сейчас энергетика дает нам возможность обозначить и свое влияние, и свое присутствие. Если мы хотим, чтобы с нами считались, на мой взгляд, это вполне прагматичный выбор, а не нервные метания от Европы к Востоку, как это может показаться по некоторым высказываниям.

С. П. Капица

Кто-нибудь хочет еще высказать свою точку зрения? Пожалуйста,

Анонимный участник

Несколько слов по поводу «в Европу или на Восток». Сейчас в мире существуют, условно говоря, три пути решения проблемы энергодефицита. Первый путь — рыночный, второй — инфраструктурный и третий — автономизация. Надо понимать, что инфраструктурный путь — не совсем рыночный, потому что поведение пользователя инфраструктуры отличается от поведения покупателя на рынке товаров. Здесь есть разница. Если, например, говорить о газе, то инфраструктурный путь и рыночный составляют альтернативу: либо трубопроводная подача газа, либо торговля сжиженным газом в любой точке потребления.

В чем сильная сторона России, было отчетливо видно из выступления представителя Транснефти — сильная сторона России в инфраструктурном подходе. Наше продвижение происходит посредством инфраструктурного развития. Европейцы не хотят идти по этому пути и делают ставку либо на рынок (известно, что сейчас там происходит в связи с разделом энергетических компаний), либо на автономизацию, т. е. на развитие воспроизводимых источников энергии, снижение биотоплива и т. д. Здесь, как бы мы не старались с ними дружить, они сделали свою ставку — это рынок и автономизация. Наша сильная сторона — инфраструктурная, и если нас принимают с нашей инфраструктурой на Востоке, значит надо идти на Восток. Мне кажется, решающим здесь является именно этот фактор.

С. П. Капица

Следующий выступающий — Александр Семенович Некрасов, заместитель директора Института народно-хозяйственного прогнозирования. Пожалуйста, Александр Семенович.

А. С. Некрасов

В Институте народнохозяйственного прогнозирования сделан прогноз развития энергетики России до 2030 г. Наша задача — развить его до 2050 г. Работа, выполненная авторским коллективом представленной книги, очень важна для нас, поскольку, рассматривая развитие энергетики в России, необходимо понимать контекст и иметь представление о рынках сбыта энергии.

Хочу остановиться на том, что нефтепровод до Находки имеет чрезвычайное значение, и не только как транспортное средство для сбыта нефти. Наш Дальний Восток в демографическом и экономическом смысле хиреет, и чтобы эта территория не опустела, нам нужно принимать кардинальные решения. Сейчас серьезно обсуждается строительство нефтеперерабатывающего завода в бухте Казьино — не в Находке, а в соседней бухте Казьино, рядом с терминалом этого нефтепровода. Это очень важно, потому что таким образом обеспечивается заинтересованность и занятость населения. Проблема состоит в том, что ресурсы первой очереди для этого нефтепровода подтверждены только на 30 млн. т, в то время как он рассчитан на 80 млн. т. И из-за того, что разведка нефтедобычи отстает, не известно, сколько времени потребуются, чтобы заполнить нефтепровод полностью. Но в любом случае ориентирование нефтепровода на Восток принципиально важно, потому что при открытой экономике ориентироваться только на европейский рынок — все равно, что стоять на одной ноге. Азиатско-тихоокеанский рынок отличается от европейского как по уровню цен, так и по условиям, хотя он сложный и нужно вести серьезную энергетическую дипломатию, чтобы завоевать место на этом рынке.

Так же не просто дело обстоит со строительством нефтеперерабатывающих заводов. Потребитель не хочет покупать готовые нефтепродукты, он заинтересован в том, чтобы, во-первых, получить полную гамму при переработке нефти и, во-вторых, чтобы обеспечить рабочие места для своих работников. Но хотел бы сказать о газе.

По нашим оценкам, в перспективе до 2020 г. свободная емкость восточного рынка составляет порядка трех газопроводов большого диаметра в пределах 60–75 млрд. куб. м. Россия может рассчитывать разместиться на этом рынке, по крайней мере, на треть. Но проблема заключается в том, что и Япония, и Южная Корея получают сжиженный газ, хотя сжиженный газ дороже. Это совершенно другая технология, другие условия доставки и пр., и насколько они согласятся покупать наш газ — вопрос.

Вторая проблема — трассировка газопровода через Восточные Саяны. На этой территории, как уже говорили, целый ряд проблем, связанных с национальным парком и пр. Если вести через север, — останутся без газа

А. С. Некрасов

наши регионы, а для обеспечения такого крупного региона, как Иркутская область, необходимо до 5 млрд. куб. м газа. К тому же, газ в Восточной Сибири очень жирный, его нельзя продавать без химической очистки.

Есть выражение «дьявол скрывается в деталях» — таких деталей, здесь, к сожалению, много. Сейчас трубу протянули от Ковыкты на Саянск, чтобы забирать часть газа на Саянском химкомбинате. В этом газе присутствует гелий. В мире, кроме России, две страны обладают гелиевыми запасами — это Америка с двумя месторождениями и Алжир. Но их запасы на спаде. Единственно, где запас гелия не разработан полностью, — это у нас.

С. П. Капица

Простите, боюсь, мы не сможем сейчас разобраться в деталях. Я прошу Вас ответить на вопрос, надо ли проводить в этот регион трубу или не надо?

А. С. Некрасов

Трубу проводить надо, но прежде чем ее проводить, необходимо решить проблемы, о которых я говорил, в первую очередь с химической переработкой газа. Пока мы этого не делаем сами, по имеющейся информации, по крайней мере две страны, работающие сегодня на нашем газе, извлекают из него химические компоненты, получают нефтехимические продукты и продают их в Россию.

С. П. Капица

Вы затрагиваете важные вопросы, но нам надо подвести логическую черту под нашим, по-моему, очень интересным обсуждением.

Слово представителю Газпрома — Николаю Ивановичу Михину, начальнику координационно-аналитического отдела Финансово-экономического департамента ОАО «Газпром».

Н. И. Михин

У меня скорее вопрос. Сегодня выступали представители разных научных школ, центров, были интересные выступления независимых исследователей, практиков. Мы говорили об экономических, политических, геополитических рисках в области энергетики — о том, что принято называть «портфелем» рисков.

Скажите, пожалуйста, есть ли в каком-либо научном центре или исследовательском институте служба, отслеживающая и измеряющая совокупность рисков, выходящих за пределы, скажем, хозяйствующих субъектов, даже таких крупных, как Газпром?

А. Д. Воскресенский

А у вас разве нет такой службы?

Н. И. Михин

Я задал вопрос. У нас есть, но речь идет о совокупности рисков, которые выходят за пределы компетенции даже такой мощной структуры, как Газпром.

С. П. Капица

Есть вопрос, который мы сегодня не затрагивали, возникший недавно в связи с Балтийским проектом: какие страховые компании могут покрыть такого рода многомиллиардные проекты в случае серьезной аварии? Я не знаю, есть ли в мире такая практика страхования, — я знаю, что это очень серьезная проблема. Страховщиком

Н. И. Михин

в итоге является, грубо говоря, государство, но это неформализуемая система.

В.А. Корсун

Выражу надежду, что несмотря на важность всех технократических сюжетов, символом нашей внешней политики не стала еще труба с двумя концами — остается еще двуглавый орел.

Я хотел бы оценить нынешнее состояние наших отношений с Китаем. Коллеги не дадут мне соврать, я всегда с предубеждением отношусь к нашим китайским партнерам, но заверяю вас, мы находимся сейчас в самой благоприятной стадии за всю историю наших взаимоотношений с Китаем. Более того, хочется верить, что это не фрагмент амплитуды качания маятника, а тенденция — всерьез и надолго. Почему? Потому что в условиях некоего дистанцирования

Фото И. Войниловича

В. А. Корсун

друг от друга мы продуктивно решаем существующие проблемы. Мы уже не находимся в рамках китайского мирового порядка, как это было длительное время. Китай уже не является частью социалистического пространства. Хотя по инерции слышны некие утверждения об особом характере наших отношений, о стратегическом партнерстве, замешанном на равноправном взаимодействии — доверительном, направленном в XXI в. и т. д., — заверяю вас, наши отношения находятся в благоприятной фазе.

Сегодня заговорили стихами — я могу предложить такую характеристику современного состояния: «Из наследственного замка Дульсиня изгнана, и живет теперь в нем хамка, Санчо Пансова жена» (Ф. Сологуб. — *Ред*). В наших отношениях появился некий цинизм, их рыночный характер позволяет нам вести переговоры с точки зрения продуктивности. Более того, углеводородный компонент вносит элемент стабильности в эти отношения, поскольку здесь уже не приходится говорить ни о неэквивалентном обмене, ни о неравноправном характере и т. д. Упреков нет.

Хотя руководители и дипломаты наших стран по понятным причинам воздерживаются от выпячивания несовпадений наших геостратегических интересов, стесняются говорить о национальном эгоизме, — ученые могут себе это позволить. И я хотел бы в своем выступлении еще раз выразить восхищение Никитским клубом за то, что он продолжает отчаянную попытку заставить услышать голос ученых, попытку включить наш академический корпус в процесс принятия решений, в том числе по внешнеполитическим вопросам.

С. П. Капица

Спасибо. Мы уже приближаемся к концу нашего заседания. Пожалуйста, Алексей Дмитриевич, Вам заключительное слово.

А. Д. Воскресенский

Буквально два слова. Прежде всего, я хочу поблагодарить всех, кто пришел сегодня на обсуждение нашей книги, особенно представителей сообщества востоковедов.

Далее я хочу сказать, что хотя авторский коллектив этой книги — международный, тем не менее, это российский интеллектуальный продукт, и здесь присутствует российская точка зрения. Если вы обратили внимание, это отмечено в кратком описании содержания книги.

Хочу сказать несколько слов о проекте. У проекта есть спонсор, которому мы очень благодарны, — это большой проект нефтяной компании БиПи в поддержку ведущих университетов мира. Среди них Принстонский, Кембриджский университеты, университет Цинхуа в Китае. В России пока два таких университета — МГИМО и Химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева. Не было бы спонсора, не было бы ресурса и не поставил бы ректор МГИМО Анатолий Васильевич Торкунов, глава этого проекта, такую задачу перед авторским коллективом, я думаю, книга не вышла бы в свет. Это так, *a propos*, поскольку прозвучал намек на ангажированность и пр.

Если в книге есть какие-то натяжки, — значит, в этом моя вина как научного организатора этой части большого проекта. Проект имеет очень большое значение для востоковедного и академического сообщества, потому что одна из побочных идей, сопровождавших нашу работу, заключалась в том, чтобы показать, что академическая профессура может создать продукт, востребованный практиками, и востребованный на длительный период времени. Насколько это удалось, я не знаю, но такую попытку мы сделали, и в востоковедном сообществе таких попыток не так много.

Последнее. Когда я думал о том, как структурировать материал, я прекрасно понимал, что практически все члены коллектива, за исключением, пожалуй, господина Галичанина и еще некоторых участников, никогда не занимались нефтяными вопросами. Мы и не поднимали технических проблем. Мы хотели показать все сложные сопутствующие вопросы, возникающие при решении такого рода проблем. Мне казалось, что этот масштабный том должен был бы затронуть всё, но сегодня во время обсуждения было выявлено много проблем, заставляющих думать дальше.

Прозвучал вопрос о мониторинге рисков. Какой мониторинг! Хорошо, что сделали такую книгу. Будет ли возможность продолжать — не знаю. Спонсор проекта — иностранный, а отечественного спонсора в лице, скажем, нефтяной или газовой компании, чтобы произвести такой продукт, не нашлось.

Вопрос из зала

Сколько стоил этот проект?

А. Д. Воскресенский

Это только часть проекта. Сам проект достаточно большой. Компания ассигнует порядка миллиона долларов каждому из университетов мира. Но надо сказать, что наши университеты здесь значительно урезаны в средствах. По моим сведениям, например, одна из корейских компаний поставила вопрос о развитии корейских исследований в Великобритании. Кембриджский университет выдвинул им такие условия: мы сами сформулируем нужные параметры исследования, а вы только даете деньги и ни в коем случае нас не контролируете, даже не высказываете пожелания по поводу того, что и как нам делать. И попросили одну ставку профессора по корееведению в миллион долларов. Вот вам сравнение этого продукта в разных странах. Наша работа — наверное, десятая часть большого проекта с точки зрения отпущенных на это денег.

Насколько мы вскрыли поставленные вопросы, я не знаю. Но мне кажется, что дискуссия показала сложность этой проблематики. Значит, я думаю, с поставленными перед собой задачами, хотя бы частично, авторский коллектив справился. Спасибо!

С. П. Капица

Несколько слов на прощанье. Я думаю, что сегодня у нас было очень интересное обсуждение на очень актуальную тему. Эта тема привлекла внимание, дискуссия получилась насыщенной и разнооб-

разной, поэтому мы можем поблагодарить авторов этого тома за то, что они дали нам такой замечательный повод.

Теперь по существу — о том, о чем я говорил вначале, и может быть, повторюсь. Мы видим, что при рассмотрении таких общих политико-экономических инфраструктурных проектов, как энергетика значительной части земного шара, проявляются возможные в будущем источники стабильности, потому что никакой монополии в этой многополярной системе нет. Представленный сегодня анализ показывает, что такая система не может существовать в моноцентричном мире. Может быть, когда-то Британская империя могла быть такой, в какой-то степени — Советская. Сейчас мы видим, что все это рассыпалось и никогда не вернется к прежнему состоянию, тем более когда вопрос касается такой высокотехнологической и абсолютно необходимой для мира системы, как энергоснабжение, где сбои допустить невозможно. По-моему, это один из важных общих уроков, которые мы извлекли сегодня из нашего разговора.

Видно, что это — область, нуждающаяся в государственном регулировании. Рыночные законы могут применяться к отдельным продуктам для управления, контроля и производства этих продуктов. Но заказчик в итоге — общество, государство. И без сильного государства, без сильной политической воли такие проекты не могут быть осуществлены, и жизнь будет требовать наличие такой воли. В этом, на мой взгляд, состоит другой урок, который мы извлекли из того, о чем сегодня говорили наши коллеги. Для нашей страны, мне кажется, это сейчас более чем актуально.

Еще раз всем большое спасибо, до следующей встречи!

ЖК

В продолжение дискуссии

А. Д. Воскресенский
Новая энергетическая дипломатия России:
геоэкономические и геостратегические факторы

*По материалам коллективной монографии
«Энергетические измерения международных отношений
и безопасности Восточной Азии».*
М: МГИМО-Университет, 2008

По обеспеченности энергетическими ресурсами Россия, обладая крупнейшим в мире ресурсно-сырьевым энергетическим потенциалом, находится в благоприятном положении по сравнению с другими странами мира. Судя по прогнозам, суммарное годовое потребление первичных энергетических ресурсов в мире будет расти как минимум до 2010 г. Доля нефти составит около 39%, твердого топлива, включая уголь, — 28%, газа — 24%, гидроресурсов — 3%, атомной энергии — 6%, других источников — около 1%. Из прогнозируемого прироста потребности в этих ресурсах две трети придется на долю «третьего мира», в том числе одна пятая — на Китай.

В настоящее время происходит усиление конкуренции в группе импортеров за доступ к источникам энергетических ресурсов. С другой стороны, в среде экспортеров также наблюдается столкновение интересов по рынкам, размерам квот и т. д. Интересы России частично совпадают с интересами экспортеров, но одновременно имеются общие интересы с группой стран — членов Мирового энергетического агентства, к которой Москва намеревается присоединиться.

Энергетической дипломатии отведено важное место в «Энергетической стратегии России на период до 2020 г.», утвержденной на заседании Правительства 28 августа 2003 г. В разделе «Внешняя энергетическая политика» указано, что интеграция России в мировую систему оборота топливно-энергетических ресурсов, сотрудничество с иностранными инвесторами в области их освоения и разработки, повышения эффективности использования традиционных и освоения новых энергетических рынков являются не только одним из важнейших направлений энергетической политики страны, но и ее весомым вкладом в решение глобальных проблем энергетики XXI в. Там же подчеркивается, что энергетическая политика должна быть направ-

лена на переход страны от положения преимущественно поставщика сырьевых ресурсов к роли независимого участника мирового оборота энергетических товаров. Стратегически важно для России укрепление позиций на мировых нефтяных и газовых рынках, наращивание в течение двадцатилетия экспортных возможностей отечественного ТЭК, обеспечение экономической безопасности страны при стабильном партнерстве со всем мировым сообществом. Стратегическим интересам России отвечают: формирование единой энергетической и энерготранспортной инфраструктуры в сопредельных регионах Европы и Азии, развитие энерготранспортных систем, обеспечение свободного транзита энергоносителей. Как указывается в Стратегии, государство будет поощрять участие российских компаний в крупномасштабных международных проектах передачи нефти, газа и электроэнергии в различных направлениях.

Основными задачами энергетической дипломатии России в связи с этим являются:

- внешнеполитическое обеспечение реализации Энергетической стратегии России;
- дипломатическая поддержка интересов отечественных ТЭК за рубежом;
- активный энергетический диалог со странами-участницами СНГ, ЕврАзЭС, ЕС, США, странами Восточной Азии и другими государствами, а также международными организациями.

Хотя Европа в обозримой перспективе останется основным потребителем российских углеводородов, Россия планирует последовательно диверсифицировать географию экспорта нефти и газа, в том числе увеличивая их поставки в страны Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Корея) и, возможно, в США.

Динамичное развитие китайской экономики отражается на развитии современного российско-китайского сотрудничества, в том числе и на его энергетическом направлении. Став импортером сырой нефти лишь в 1996 г., Китай в настоящее время вышел на третье место в мире по импорту нефти, уступая только США и Японии, и на второе место в мире по потреблению нефти после США. При этом импорт нефти в Китае, к примеру, в 2004 г. вырос сразу на 34,8% и достиг отметки 122,72 млн. тонн. В 2005 г. из-за рубежа импортировалось 42,9% потребляемой в стране нефти. В 2006 и 2007 гг. объем нефтяного импорта продолжал расти.

Несмотря на то что Китаю удавалось в определенной степени сдерживать тенденцию роста потребностей своей экономики в углеводородном сырье, следовательно, в импорте нефти и других источ-

ников энергии (с 2006 г. агрессивно внедряются энергосберегающие технологии, включая прямые административные ограничения на использование энергии), тем не менее, абсолютные цифры выглядят весьма внушительно. Объем импортированной в 2005 г. нефти составил 136,17 млн. т, нефтепродуктов — 17,42 млн. т, а в 2006 г. — 145,18 и 36,38 млн. т соответственно. В настоящее время экономика КНР только нефти ежедневно потребляет свыше 5 млн. баррелей. По ожиданиям российских аналитиков, в целом к 2020 г. потребность китайской экономики в нефти возрастет в 2,5 раза и составит примерно 13 млн. баррелей в день, т.е. более 500 млн. т в год. Доля импорта при этом может возрасти до 50–60%. Естественно, что в таких условиях особую актуальность для Китая приобретает бесперебойность и ритмичность поставок нефти и других энергоносителей из-за рубежа.

Борьба за маршрут нефтепровода «Восточная Сибирь–Тихий Океан» (ВСТО) ярко показала, что в среде современной российской политической элиты существуют разные мнения относительно внешнеполитических приоритетов государства. Те, кто считает весьма важным для страны укрепление сотрудничества с Китаем в нефтегазовой сфере, смогли убедить правительство принять Постановление о проектировании и строительстве нефтепровода ВСТО, которое Председатель правительства РФ Михаил Фрадков подписал 31 декабря 2004 г. При этом ряд экспертов с высокой вероятностью предполагают, что нефтепровод «Восточная Сибирь–Тихий Океан» может быть полностью наполнен только с определенным ущербом для интересов рынков Западной Европы. Параллельно с этим существует экспертное мнение, что если российские компании не выйдут на китайский рынок с трубопроводным газом до 2010 г., то китайский рынок будет занят, в частности, не без участия транснациональных и западных нефтяных корпораций.

Согласно последним данным Минпромэнерго, Россия собирается к 2020 г. поставлять в Азию 100 млн. т нефти и 65 млрд. кубометров газа. В связи с этим проект российско-китайского энергетического альянса становится вполне реальным, особенно если не забывать о конкуренции со стороны Кореи и Японии, также претендующих на потребление российских нефти и газа.

Вопросы для обсуждения:

Потенциал энергодиалога Россия – «Большая Восточная Азия» в контексте международной интеграции и безопасности:

- перспективы восточноазиатского рынка энергии с точки зрения экономического продвижения России в Восточную Азию;
- варианты оценки энергетической дипломатии и политики России в Восточной Азии другими государствами, и какие опасности могут здесь подстергать Россию.

Факторы развития и риски в «региональном узле» энергетической безопасности в Евразии:

- как минимизировать геополитические риски энергетической политики России?
- перспективы и последствия российско-китайского стратегического энергетического партнерства;
- пути диверсификации «энергетического» продвижения России в Восточную Азию;
- может ли Россия использовать энергетическую дипломатию и энергетический фактор как рычаги решения демографических и экономических проблем Сибири и Дальнего Востока так, чтобы Сибирь и Дальний Восток не превратились в ресурсные придатки других государств?

Энергетические параметры международной повестки дня: стратегии стабилизации и дестабилизации.

Президент Никитского клуба **С. П. Капица**
Вице-президент, **Н. М. Румянцева**
Исполнительный
директор

телефон 705-96-73
факс 204-48-40

эл. почта: *nikitskyclub@micex.ru*

<http://www.nikitskyclub.ru>

Никитский клуб

ученых и предпринимателей

НИКИТСКИЙ КЛУБ заявил о своей публичной деятельности в марте 2000 года, в июне того же года получил юридический статус. Название «Никитский», с одной стороны, связано с местом рождения Клуба, с другой — отражает стремление его основателей к культурно-исторической преемственности. Современное здание Московской межбанковской валютной биржи, оказавшей неоценимую поддержку в создании Клуба и организации его встреч, находится в непосредственной близости к месту расположения в прошлом Никитского монастыря, основанного в XVI веке боярином Никитой Романовичем Юрьевым — отцом патриарха Филарета. В районе Никитских улиц Москвы, получивших свое название от монастыря, в разное время жили выдающиеся люди России: князя Юсуповы, графы Толстые, А. В. Суворов, В. И. Вернадский, П. И. Чайковский, представители крупного московского купечества, промышленники, фабриканты. Сохранились памятники архитектуры, авторами которых были М. Ф. Казаков, Д. И. Жилярди, К. В. Терский, др. На Никитском бульваре в XIX веке размещался сначала Коммерческий, затем Государственный банк (в здании Музея Востока). В этом районе по сей день находятся научные, культурные учреждения, формируется современный деловой центр.

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте». Выпуск 33.

«Россия на энергетических рынках Восточной Азии» —
М., 2008.—64 с.

ISBN 5-8341-0087-2

Основанием для дискуссии Никитского клуба, изложенной в данном выпуске, стала презентация книги МГИМО-Университета, в которой группа международных экспертов рассматривает базовые вопросы энергетических параметров международных отношений и безопасности в Восточной Азии с точки зрения интересов России как мирового энергоэкспортера. Актуальность предмета обсуждения и выход в свет уникального в своем роде издания вызвала большой интерес среди участников дискуссии — как теоретиков, так практиков в области энергетики.

ББК 65.305.14-18

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 33
«Россия на энергетических рынках
Восточной Азии»

Редактор выпуска Н.М. Румянцева, редактор В.Ю. Григорьева
Вёрстка М.Ю. Иванюшин

Подписано в печать 20.06.2008.

Формат 70x100/16. Бумага мелованная. Гарнитура «Гарамон».

Усл.-печ. л. 5,5. Заказ 02592. Тираж 1000.

Отпечатано в ЗАО «Московская межбанковская валютная биржа».

125009, Москва, Большой Кисловский переулок, 13